

На правах рукописи

СИМБИРЦЕВА Наталья Алексеевна

ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ: СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»

Научный консультант:

доктор культурологии, профессор **Мурзина Ирина Яковлевна**

Официальные оппоненты:

Грачев Владимир Иннокентьевич, доктор культурологии, доцент, Ассоциация искусствоведов Санкт-Петербурга (Международная профессиональная общественная организация), профессор-консультант, член правления

Шлыкова Ольга Владимировна, доктор культурологии, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, зам. директора научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации»

Пономарева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», г. Челябинск, директор Института социально-гуманитарных наук, зав. кафедрой русского языка и литературы

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Защита состоится 13 июня 2017 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.20 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000 Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ауд.248 (Зал диссертационных советов).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», адрес объявления на сайте УрФУ: <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=265917>

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь диссертационного совета, доктор социологических наук, профессор

Л. С. Лихачева

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы взаимоотношения культуры и человека, характер и способы производства и распространения информации, формы коммуникации в культуре, механизмы порождения и трансляции смыслов, возможности интерпретации явлений культуры не теряют своей актуальности в современном социально-гуманитарном знании, несмотря на множественность и разноплановость подходов и направлений в науке. Для культурологии поиск ответов на эти вопросы приобретает особую значимость: есть потребность рефлексии над ценностно-нормативными системами в историческом аспекте; создание теоретических моделей функционирования культуры в прошлом и настоящем позволяет проанализировать специфику бытия человека в культуре, выявить механизмы, обуславившие характер его восприятия и трансляции социокультурного опыта; систематизация способов интерпретации явлений культуры раскрывает множественность точек зрения на мир культуры и обеспечивает понимание личностного выбора стратегий социального поведения и особенности повседневных практик.

Концептом, позволяющим наиболее полно описать культуру в ее историческом и актуальном бытии, выступает понятие *«текст культуры»*.

Собственно категория *«текст культуры»* в настоящий момент в теории культуры присутствует скорее на уровне метафоры, нежели определенной научной дефиниции, задавая общий вектор исследований – интерпретацию явлений культуры в определенных историко-культурных контекстах. Задачей является не только обозначение семантического ядра понятия, но и выявление его эвристического потенциала при анализе конкретных явлений культуры и культурных практик в историческом и актуальном существовании.

Понимание текста культуры восходит к развитой научной традиции, рассматривающей текст как явление культуры. Для лингвистов текст представляет собой корпус вербальных знаков, объединенных общим смыслом, обладающий характером последовательного изложения информации и являющийся целостным и завершенным высказыванием. Коммуникативная природа текста обуславливает рассмотрение таких понятий, как *«автор»*, *«реципиент/воспринимающий»*, *«адресат»*, *«смысл»*, *«контекст»*, которые в обобщенном виде определяют понимание текста как явления культуры. Экстраполяция лингвистического понимания вербального текста на текст культуры в целом, с одной стороны, определяет круг тем и направлений научных исследований в феноменологической, герменевтической, аксиологической, структурно-семиотической или структуралистской традициях, но, с другой стороны, требует более четкого определения границ понятия и теоретического анализа его содержательных аспектов.

Особое внимание необходимо уделить анализу субъектной позиции *«интерпретатора»*, чей взгляд на культуру, ее явления и формы бытия определяет глубину понимания исторических реалий и актуальных практик. При обращении к современной культуре возникают дополнительные сложности в описании характера деятельности субъекта-интерпретатора, обусловленные видеократией (*«властью образов»*) массовой культуры, невозможностью дистанцироваться от культуры, в которой человек живет, и, как следствие, снижение его рефлексивно-

критического отношения к явлениям окружающей действительности, проблематичность «схватывания» им целостного образа культуры. При этом необходимо учитывать множественность позиций субъекта-интерпретатора современной культуры (ученый-исследователь, «обычный человек», педагог), что, в свою очередь, ведет к множественности интерпретаций-прочтений текста культуры.

В прикладном аспекте эти проблемы актуализируются в процессе изучения культурологии в школе и вузе, который предполагает не только знакомство с отдельными явлениями, развитие рефлексии собственной позиции по отношению к отдельным феноменам культуры в их историческом и актуальном бытии (аналитический и аксиологический аспекты преподавания культурологии), но и обеспечение своеобразной преемственности в восприятии культуры в будущем, когда сегодняшний студент станет педагогом и родителем, сопровождая уже своих детей или учеников на пути вхождения в культуру, обучая чтению текстов культуры.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Изучение текста как феномена культуры имеет долгую научную традицию. Значимой для понимания природы текста является лингвистическое представление о тексте как выражении соотношения языка и речи. В начале XX века к анализу текста обратились лингвисты, определившие его как результат речетворческого процесса и выделившие такие характерные черты, как осмысленность, соответствие ситуации (контексту) и ориентация/установка на адресата – то, что обеспечивает коммуникацию. В нашем исследовании обозначенные коммуникативные свойства текста экстраполируются на текст культуры в целом, где особую значимость приобретает культурный контекст. Поэтому работы Ф. де Соссюра, Ч. Пирса явились отправной точкой для понимания знакового характера языка как явления культуры.

В трудах М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана предложено понимание текста как сложного семиотического целого, обладающего уникальным характером и открытостью в пределах локального и большого контекстов. Введение категории «культурный смысл» применительно к тексту стало возможным в рамках феноменологического подхода, представленного работами Э. Гуссерля, Э. Левинаса, М. Мерло-Понти. Толкование текста в единстве его «единиц» – Ф. Шлейермахер, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр, Э. Бетти – представляет собой процесс осмысления, понимания и трансляции реалий культуры, явленный в их совокупности. Интерпретаторская деятельность субъекта направлена на проявление его активной позиции в ходе прочтения текста культуры и постижения «культурного смысла» и включает такие этапы, как восприятие, узнавание, опредмечивание/распредмечивание, осмысление и понимание.

Интерпретация текстов культуры сторонниками структурализма (Ж. Лакан, К. Леви-Стросс, М. Фуко, У. Эко и др.) отражает особенности анализа различных комплексов культурных текстов через выявление структурного единства, стоящего за знаковым и смысловым многообразием текстов, порожденного универсальными для человека правилами образования символических объектов.

Существенным для раскрытия нашей темы стал опыт интерпретации явлений культуры, предложенный У. Эко, синтезировавший традиции семиотики, герменевтики и философии в понимании смыслов литературного произведения и

выявивший не только сложность выделения объектов анализа, но и определения его границ в реальном и постоянно меняющемся мире.

Исследование текстов в историческом аспекте в условиях постмодернистской реальности требует «объективной» реконструкции и упорядочивания, которые представляют текст в виде истории или рассказа (Х. Келнер, Х. Уайт). Обозначение нелинейного повествования текста как отрицание наличия границ и позиции, что весь мир воспринимается и интерпретируется как бесконечный текст (Ж. Деррида, Р. Барт) позволяет говорить о многоплановости и разнонаправленности текста культуры. «Лингвистический поворот» в описании истории как науки, сделанный постмодернистами (Р. Барт, М. де Серто), актуален для культурологической интерпретации текста, так как язык является универсальной формой освоения реальности и вместилищем памяти культуры. Он передает характер эпохи, обретая статус метаязыка, подвергающегося декодированию в процессе прочтения текста культуры.

В свете представленных подходов анализ текста как культурного целого отражает его сущностные характеристики (коммуникативную природу, семиотическую составляющую, ценностно-смысловой потенциал, открытость, наличие автора и адресата) и становится отправной точкой в анализе текста культуры как культурологического понятия.

Особенность культурологического видения текстов культуры применительно к отдельным культурным эпохам раскрывается в рамках аксиологического подхода, позволяющего выявить содержательную сторону текста культуры через категорию «ценность/смысл» как его минимальную единицу. Совокупность ценностей дает представление о содержании культуры и лежит в основе формирования мировоззрения личности. В пределах настоящего исследования предлагается описание ценности как общего базового понятия философских учений и теорий с целью воссоздать логику культурологического представления о ней: от бытийного понимания ценностей как идей до социологического измерения ценностей, главным объектом и субъектом которых выступает Человек. Значимость тех или иных ценностно-смысловых установок, в основе которых лежит представление о мире и человеке, измеряется историческим содержанием конкретной эпохи, которое, в свою очередь, воплощается и выражается в коде культуры. Видение культуры как пространства «предметных ценностей» и «субъектных ценностей» формирует ценностное отношение человека к окружающей его действительности.

Каждая эпоха формирует свой тип личности, рефлексивно воспринимающей и оценивающей реальность.

Позиция философа, который «смотрит» на ценности культуры и актуализирует ее смыслы в пределах историко-культурного этапа, важна и необходима для настоящего исследования с тем, чтобы высветить особенное в воспроизведении идей времени – ценность человека как субъекта и объекта культуры в исторической динамике. Мы обращались к трудам Протагора, Платона, Аристотеля, Н. Кузанского, Дж. П. делла Мирандола, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, в которых основное внимание было сосредоточено на постижении ценности человека как целостного и многомерного субъекта культуры в его связях с миром.

К началу XX века ситуация несколько меняется. Исследовательский интерес начинает сосредоточиваться на частных, конкретных формах деятельности Человека, на его внутреннем мире и детальном отношении с реальностью. Активизируется стремление проанализировать и описать Человека как «фрагментированное целое» в его проявлениях индивидуального, субъективного, личного. В этом основополагающими для нас были позиции В. Виндельбанда, Дж. Дьюи, М.А. Лифшица, Д. Лукача, Г. Риккерта и др.

Внимание исследователей к ценностям материально-духовного мира и роли человека в нем позволило говорить об особом «повороте» к пониманию природы ценности как таковой и ее значимости в антропологическом измерении культуры (М. Вебер, А. Кребер и К. Клакхон, П. Сорокин). Интерпретация текста культуры с установкой на его ценностное содержание обретает смысл при наличии субъекта, проживающего свою жизнь в конкретном времени и пространстве.

Одним из вариантов языка, на котором «говорит» эпоха, является культура повседневности (Э. Виоле-ле-Дюк, П. Гиро, И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров и др.).

Во второй половине XX века исследовательский интерес направлен на изучение микроистории и места человека в ней. Жизненные судьбы рядовых людей и социальных групп, их повседневная жизнь становятся объектом осмысления науки (А.Я. Гуревич, Г.С. Кнабе, М.А. Поляковская, А.А. Чекалова и др.).

Ценности, отражающие внутренний мир человека, его быт, его частную жизнь, становятся объектом изучения «мира повседневной жизни». Представители феноменологии (П. Бергер, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Т. Лукман и др.) рассматривали, как ментальная структура конструируется в процессе межличностного взаимодействия, какую роль играют смысловые модели реальности, содержащихся в разговорном языке и языках невербального общения.

Внимание исследователей к «маленькому человеку», «обывателю» позволяет поставить вопрос о продуцировании особого социального типа, о типичном носителе обыденного сознания, «мелочи» и «фрагменты» жизненного мира которого не менее важны для прочтения и осмысления текста культуры, чем ключевые для культуры символы и знаки (В. Зомбарт, В.П. Козырьков, А.М. Новиков).

Вопрос о знаковых и значимых ценностях в пределах историко-культурных координат является для гуманитариев ключевым, так как возникающие идеи и смыслы в определенный временной период выступают не только стержнем культуры, но и ее внутренним смыслом, отражающим его мотивированность другими подсистемами культуры (духовной, материальной, художественной).

В основу выделения исторических типов культуры положена теория, предложенная М. Маклюэном, где автор выделяет дописьменные (бесписьменные), письменные (книжные) и экранные (информационные) общества и культуры. Тип коммуникации, характерный для культуры, позволяет раскрыть особенности трансляции информации в пределах исторической эпохи, а также определить логику прочтения текста культуры, учитывая особенности его восприятия.

Интерпретация исторических этапов развития культуры позволяет выделить ряд существенных особенностей, связанных с позицией интерпретатора: исследователь, выделяющий при анализе конкретной эпохи доминанты, наиболее

ярко раскрывающие «идеи и формы времени», при всем своем стремлении к объективности, не может отказаться от собственного взгляда на явления культуры («вычитание субъекта» не происходит). Отсюда – сложность в прочтении текста культуры, который множится в зависимости от исследовательского взгляда: при анализе первобытной культуры (А.Ф. Еремеев, Б. Малиновский, М. Мид, К. Леви-Стросс), античности (Э. Гомбрих, Г. С. Кнабе, А.Ф. Лосев), средневековья и культуры Возрождения (М. Блок, Н. М. Баткин, Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич, Й. Хейзинга, У. Эко), Нового (В. Бранский, М.С. Каган, О. Шпенглер) и Новейшего времени (Р. Барт, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, Г. Маркузе, А. Тоффлер).

В ситуации конца XX – начала XXI вв. основное внимание исследователей сосредоточено на зрительном восприятии реальности (Х. Арндт, Р. Арнхейм, Дж. Гибсон, В. И. Жуковский, Д. В. Пивоваров) и на проблемах визуального в культуре (Т. Ю. Быстрова, В. В. Колодий, А. Р. Усманова, В. А. Подорога, В. Л. Круткин). Анализ визуальных практик становится важным компонентом при интерпретации текста культуры, позволяя включить достижения визуальной антропологии и визуальной социологии, расширяя тем самым возможности понимания современной культуры.

Прочтение современным человеком текста культуры через зримо явленные ценности и смыслы, значимые для конкретной эпохи, требует проявления навыков информационной и визуальной грамотности.

В представлении интерпретации как универсального механизма прочтения текста культуры особое внимание уделяется категории «код культуры», содержание и теоретическая значимость которой определяется во многих современных исследованиях (Г.А. Аванесова, И. Купцова, Н.И. и С.М. Толстые, В.Н. Телия и др.). Понимание культурного кода как «генератора смыслов» и культуры как «генератора структурности» раскрывается в работах Ю. М. Лотмана, М. Фуко, У. Эко.

Развитие в последние десятилетия такого направления в культурологии, как *Memory studies* (Я. Ассман, А. Г. Васильев, П. Нора и др.), позволяет выявить в текстах культуры «глубину истории» – культурный код, получивший свое воплощение в артефактах и языке, определяющий прочтение текста культуры.

Особое внимание необходимо уделить читателю-интерпретатору текста культуры. В теории и истории литературы (М.Н. Липовецкий, Ю.М. Лотман, Е.В. Пономарева, Е.В. Хализев, У. Эко и др.), эстетике (Т. Адорно, Ю.Б. Борев, Э. Гомбрих, А.Ф. Еремеев Э. Панофски и др.), в работах по межкультурной коммуникации (М.Г. Бахтиозина, В.И. Грачев, О.А. Леонтович, С.Г. Тер-Минасова и др.) рассматривались отношения автора, читателя и вербального текста.

В рамках культурологического исследования «читатель» текста культуры рассматривается как идеальный тип, в основе деятельности которого лежит созерцание, действие и оценка реальности. Мы акцентировали свое внимание на читателе-фланере, читателе-интерпретаторе, читателе-критике.

Читатель-фланер характеризуется пассивностью проживания социально-культурной действительности и активностью, с точки зрения ее созерцания. Начало исследования этого образа положено О. де Бальзаком. В дальнейшем он рас-

сма­тривался в кон­тек­сте эпо­хи XIX ве­ка (В. Бен­ья­мин, О.Б. Вайнштейн, Т.К. Яки­мо­вич и др.), стал в кон­це XX ве­ка об­ъек­том изу­че­ния в пре­делах соци­аль­ных прак­тик – фото­гра­фия, горо­дские мар­шруты, про­гулки (А.А. Жел­нина, В. Л. Крут­кин, М. де Серто и др.). Гла­за­ми фланера, фо­ку­си­ру­юще­го свое вни­ма­ние на внеш­ней ре­аль­ности, ви­дится текст, им чи­тае­мый и пре­вра­ща­ю­щий­ся в об­ъект чи­те­ния для дру­го­го.

Чи­та­тель-ин­тер­пре­та­тор – это ак­тив­ный со­бесед­ник с тек­стом куль­туры, с дру­гим ав­то­ром, с про­из­ве­де­нием. Пред­ла­гая ав­тор­ское проч­е­ние то­го или ино­го об­ра­за, он не толь­ко «вос­кре­шает» уже име­ю­щие­ся в нем смы­слы, но и про­ду­ци­рует но­вые (Б. Бала­ш, Г.М. Ко­зин­цев, Ю.Н. Ты­ня­нов, В.Б. Шклов­ский и др.). В ус­ло­виях ме­ди­арель­ности ак­тив­ное твор­че­ское ви­де­ние ярче все­го пред­став­ле­но эк­ран­ными об­ра­за­ми. Как спо­соб ди­ало­га в куль­туре эк­рани­за­ция в кон­тек­сте XXI ве­ка при­об­ре­та­ет мас­со­вый ха­рак­тер, в си­лу «по­пу­ляр­ности» пе­ре­во­да сло­ва в плос­кость ви­зу­аль­но­го вос­при­я­тия (К.Ю. Иг­на­тов, Н.С. Гор­ни­цкая, В.В. Ре­шет­ни­кова и др.).

Ин­тер­пре­та­ция тек­ста куль­туры пред­по­ла­гает осо­бый тип кри­ти­ка, ко­то­рый яв­ля­ется экс­пер­том-ис­то­ри­ком, про­фес­си­о­наль­но под­го­тов­лен­ным ин­тер­пре­та­то­ром, об­ла­да­ю­щим трех­мер­ным ви­де­нием ис­то­ри­ко-куль­тур­ной ре­аль­ности, ши­ро­ким кругозо­ром и спо­соб­ным ак­тив­но ре­зо­ни­ро­вать на­сто­я­щую ре­аль­ность в ее вза­имос­вязях с про­шлым (при­ме­ра­ми мо­гут слу­жить ра­боты М.М. Бах­тина, В.С. Би­б­ле­ра, А.Я. Гу­ре­ви­ча, Г.С. Кна­бе, Д.С. Ли­ха­че­ва, А.Ф. Ло­се­ва, Ю.М. Лот­ма­на и др.).

Куль­ту­ро­ло­гичес­кое ви­де­ние ин­тер­пре­та­ции как уни­вер­саль­но­го ме­ха­низ­ма проч­е­ния тек­ста со­сто­ит в том, что субъ­ек­ту от­кры­ва­ется воз­мож­ность по­сти­гнуть смы­сл ис­то­ри­ко-куль­тур­но­го яв­ле­ния и/или тек­ста куль­туры в его це­лост­ности, ре­кон­стру­и­ро­вать за­ло­жен­ный в него ав­тор­ский за­мы­сел. В про­цес­се та­ко­го об­ще­ния рас­ши­ря­ются гра­ницы из­началь­но­го тек­ста, что де­ла­ет его еще бо­лее от­кры­тым и глу­бо­ким для проч­е­ния (У. Э­ко). Вре­мен­ная ди­стан­ция от пер­во­ис­точ­ни­ка и зна­чи­мость для со­вре­мен­ности, иден­ти­фика­ци­он­ный по­иск смы­слов и ре­алий в ре­зуль­та­те пе­ре­ме­ще­ния из одной куль­туры в дру­гую, соци­аль­ная а­дап­та­ция влия­ют на судь­бу тек­ста куль­туры.

Ме­ха­низ­мы, опи­сан­ные Н.А. Кузь­ми­ной при­менитель­но к ли­те­ратур­ным про­из­ве­де­ни­ям, по­ни­ма­ются нами как уни­вер­саль­ные дей­ствия, про­яв­лен­ные в про­цес­се ин­тер­пре­та­ции, со сто­ро­ны субъ­ек­та по от­но­ше­нию к тек­сту во­об­ще и тек­сту куль­туры, в част­ности, и ис­поль­зуются нами в рас­ши­ри­тель­ном зна­че­нии. Ме­ха­низ­м ког­ни­тив­ной гар­мо­нии (в лин­г­вистике тер­мин вве­ден В. И. Тар­ма­евой) ви­дится нами как ва­ри­ант це­лост­но­го осмы­сле­ния, проч­е­ния и ре­пре­зен­та­ции тек­ста куль­туры с уче­том его кон­тек­сту­аль­ных свя­зей.

Рас­смот­ре­ние ме­ди­акуль­туры как фе­но­ме­на пред­ло­же­но в тру­дах А. Ба­зена, В. Бен­ья­мина, М. Мак­люэна, Н. Б. Ки­рил­ловой и др. в све­те ци­ви­ли­за­ци­он­ных транс­фор­ма­ций и спо­со­ба ком­му­ни­ка­ции с тек­сто­вой ре­аль­ностью.

Спе­ци­фика ин­фор­ма­ци­он­ной эпо­хи и сло­ж­ности вос­при­я­тия/ин­тер­пре­та­ции тек­стов куль­туры XX – на­ча­ла XXI вв. про­ве­ден в ра­ботах Дж. Вей­са, М. Ю. Гу­до­вой, И.М. Дзя­ло­шин­ско­го, И.В. Жи­ла­в­ской, М. Ка­стель­са, D. Larry, Е.Н. По­лю­до­вой, Э. Тоф­ф­ле­ра.

Особую трудность представляет интерпретация медиа, которые являются наиболее репрезентативными явлениями в актуальном тексте культуры (Н. Б. Кириллова, В. В. Савчук, Н. Ф. Хилько, О. В. Шлыкова и др.). Становящаяся в последние десятилетия медиапедагогика (В. В. Мантуленко, А. В. Федоров, Ю. Н. Усов и др.) как составная часть педагогической культурологии (М. А. Ариарский, В. Л. Бенин, И. Я. Мурзина и др.), предполагает необходимость развития навыков работы с различными текстами, существующими в культуре (вербальными, визуальными, аудиальными, аудиовизуальными). В то же время анализ медиаактивности и медиаграмотности (А. В. Федоров) в современной культуре позволяет выделить такое направление в образовании, как формирование медиакомпетентности – способности к интерпретации текста медиакультуры. Однако для решения этой задачи необходимо подготовить педагогов-культурологов, готовых осуществлять эту деятельность.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИСЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования: тексты культуры.

Предмет исследования: специфика интерпретации текстов культуры.

Цель работы: раскрыть своеобразие текстов культуры и специфику их культурологической интерпретации.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИСЛЕДОВАНИЯ:

1. Раскрыть сущность понятия «текст культуры» в теоретическом и историческом аспектах.

2. Разработать концепцию культурологической интерпретации текста культуры как инструмента целостного анализа культуры через определение единства ценностных доминант, артефактов и деятельности субъекта-интерпретатора в конкретных историко-культурных координатах.

3. На основе анализа визуального как способа освоения действительности раскрыть механизмы интерпретации текста культуры, отражающие особенности мышления человека XXI века.

4. Выявить и охарактеризовать сущностные особенности кода культуры как способа «хранения» и трансляции ценностно-смыслового содержания текста культуры.

5. Описать «читателя» текста культуры как идеальный тип, в основе деятельности которого лежит созерцание, действие и оценка реальности, и раскрыть особенности субъектного восприятия текстов культуры.

6. Определить факторы, обуславливающие трансформацию текста культуры, и классифицировать механизмы интерпретации текстов культуры и определить роль каждого из них в условиях современной действительности.

7. На основе анализа способов интерпретации текстов культуры раскрыть специфику мировидения человека XXI века и обосновать этапы формирования визуальной медиаграмотности как составной части медиакультуры.

8. Выявить педагогический потенциал интерпретации текстов культуры и предложить методику овладения медиакомпетенцией в процессе профессиональной подготовки педагога-культуролога.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве теоретико-методологической основы нашего исследования выбран *системно-культурологический подход* (М. С. Каган, Э. С. Макарян), в пределах которого культура понимается как системное целое со своими закономерностями, структурами, процессами и особенностями, определяющее содержание и эволюцию отдельных ее подсистем и компонентов.

Определение содержания понятия «текст культуры» опирается на семиотическое понимание культуры, акцентирующее существование множественности текстов в культуре и активную деятельность субъекта в процессе их кодирования / декодирования.

В логике *системного* подхода (М. С. Каган, Ю. М. Лотман, В. С. Степин и др.) мы рассматриваем культуру как триединство субъект-субъективной (человеческой), функциональной и объект-объективной (предметной) модальностей.

Аксиологический подход позволил выявить содержательную сторону текста культуры через категорию «ценность/смысл», которая рассматривается как минимальная единица текста культуры. В качестве теоретической основы выступили работы Л.А. Закса, М.С. Кагана, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, И.А. Суриной и др. Анализ природы ценности, которая состоит в диалектическом взаимодействии трансцендентного и имманентного, идеального и материального, абсолютного и относительного, этического и психологического, необходим для раскрытия нашей темы с тем, чтобы проследить, как ценность находит отражение в субъекте, действующем, познающем и оценивающем окружающую реальность.

Герменевтический подход к толкованию и интерпретации явлений культуры, разработанный в трудах Э. Бетти, Г.-Г. Гадамера, П. Рикёра, М. Хайдеггера, Ф. Шлейермахера, был необходим в процессе анализа текста культуры как целостного высказывания о культуре. В нашем исследовании он дополнен методами лингвокультурологии и литературоведения (работа М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ч.С. Пирса, Ф. де Соссюра, В.Н. Телия, В.В. Красных), позволяющих раскрыть специфику смыслового прочтения текста. Предложенные Н. А. Кузьминой идеи, раскрывающие специфику трансформации литературных текстов, и идеи В. И. Тармаевой о прочтении литературного текста как способе обретения когнитивной гармонии были экстраполированы на характер интерпретации текстов культуры.

Для систематизации и анализа текстов культуры в *историко-типологическом* ключе существенную роль сыграла теория культуры, предложенная М. Маклюэном: автор выделил дописьменные (бесписьменные), письменные (книжные) и экранные (информационные) общества и культуры в зависимости от средств и способов общения, смена которых меняет взгляд человека на мир и формы деятельности.

В силу того, что интерпретация текста культуры предполагает выстраивание коммуникативных отношений между текстом культуры, его «автором», эпохой/эпохами и субъектом-интерпретатором, данная теория о типах культуры позволяет рассматривать качественные характеристики текста и его *структурно-функциональную* значимость. Определяющей теорией в рассмотрении текста как

модели стали труды Ю. М. Лотмана о семиосфере, ценностно-смысловом содержании и функциях текста как явления культуры.

Способность культуры кодировать ценностно-смысловую информацию и воплощать ее в знаково-символическую систему на уровне художественной образности определили необходимость обращения к *культурно-антропологическим* зарубежным и отечественным исследованиям, в которых обобщен и систематизирован опыт изучения визуального. Труды Р. Арнхейма, Дж. Бергера, Б.М. Бим-Бада, М.Ю. Гудовой, В.И. Жуковского, Н.А. Колодий, В.В. Колодия, Э. Панофски, Д.В. Пивоварова, Е.В. Сальниковой, А.Р. Усмановой, М. Фуко явились для нас определяющими в разработке идей визуального восприятия.

В описании текста культуры как *историко-культурной и социально-коммуникативной* единиц существенную роль сыграла диалогическая концепция культуры, идеи о неразрывности субъекта и практик его деятельности, разработанные М.М. Бахтиным, В. С. Библером, М.С. Каганом, Д.С. Лихачевым, Ю.М. Лотманом, М. Маклюэном, У. Эко.

Идеи *педагогической культурологии* (В.Л. Бенин, И.Я. Мурзина) и возможности культурологического подхода в современном образовании (В. В. Краевский, Н. Б. Крылова, А.Я. Флиер) легли в основу разработанной нами модели подготовки педагогов-культурологов, освоивших способы интерпретации текстов культуры и готовых обучать этому своих учеников.

В работе использовались *метод отбора и систематизации* культурных текстов, на основе которых проводился анализ, демонстрирующий особенности бытия текстов культуры; *метод культурологической интерпретации* позволил выделить и систематизировать факторы и механизмы трансляции ценностно-смыслового содержания текстов культуры.

В нашем исследовании рассмотрены различные позиции ученых, анализирующих тексты культуры, что свидетельствует не только о множественности трактовок явлений культуры и ее отдельных периодов, но и подтверждает мысль о неоднозначности понимания и осмысления категории «текст культуры» в условиях XX века. Так, У. Эко в своих работах отводит главную роль субъекту и самому процессу интерпретации, и эта идея стала основой для теоретической части настоящего исследования. Мысли Р. Барта о нелинейной «цепочке слов», создающей особое пространство, открытое другим культурным источникам, сыграла роль в определении рабочего понятия «текст культуры». Труды Ю.М. Лотмана стали отправной точкой для выделения основных функций текста культуры и при характеристике его структурно-семиотического содержания. Интерпретация отдельных периодов культуры, представленная в работах Г.С. Кнабе, А.Ф. Лосева, Ж. ле Гоффа, Й. Хейзинги и др., свидетельствует о возможностях изучения прошлого с различных методологических позиций, подтверждая точку зрения, что текст культуры – это «открытая система», содержание которой актуализируется в зависимости от времени прочтения и установок «читателя».

НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБЛАДАЮЩИЕ НАУЧНОЙ НОВИЗНОЙ

1. Представлена структурно-функциональная модель интерпретации текста культуры, которая состоит в структурировании и систематизации ценностно-смысловой информации, которая становится актуальной для современного «читателя» под воздействием факторов и механизмов. Компонентами модели выступают текст культуры, код культуры, визуальный текст, культурологическая интерпретация, субъект как читатель текста культуры, прочтение текста культуры, визуальная грамотность, и выявлен характер связей между ними.

2. Определено содержание категории «код культуры» как универсальной системы эпохи, внутри которой фиксация ценностно-смыслового содержания позволяет выявить действующие с разной скоростью механизмы трансляции информации. Особенностью системы является ее способность «записывать» и «передавать» сигналы на субъектно-объектном и субъект-субъектном уровнях. Коды в различных комбинациях должны обеспечивать репрезентативность целостности образа текста культуры и его ключевых ценностей и смыслов.

3. Выявлено соотношение между многообразием явлений в культуре и текстом культуры как целостностью (текст культуры включает весь корпус текстов, бытующих в культуре – визуальных, вербальных, аудиальных, аудиовизуальных, мультимедийных, образующая единство множественности). Категория «текст культуры» находится в ряду дефиниций: *текст* (связанное по смыслу и грамматически оформленное высказывание, выступающее необходимым элементом поля культуры) – рассматривается как универсальный механизм смыслообразования; *текст культуры* (целостное высказывание о культуре) – рассматривается как специфическая характеристика, определяющая характер отдельной культуры во взаимоотношенности ее связей; *визуальный текст* (проявление в содержании текста ценностей и смыслов на уровне визуального восприятия) – рассматривается как подсистема текста культуры, или – культурный текст; *артефакт* – раскрывает единичное в культуре, воплощающееся в бесконечном многообразии предметов, явлений и культурных практик.

4. Впервые систематизированы факторы, обуславливающие прочтение текстов культуры (объективные и субъективные), и механизмы (содержательная/смысловая редукция, развертывание смыслов, монтаж, осовременивание, когнитивная гармония) их интерпретации, которые легли в основу моделирования социально-культурной реальности как в близком, так и далеком контекстах, трансляции ценностно-смысловых структур на уровне общества и отдельной личности.

5. Представлена авторская типология читателей-интерпретаторов текста культуры (фланер, интерпретатор-создатель, критик) и определена их роль в современной действительности. В социально-культурных практиках интерпретации историко-культурной реальности выявлен «онтологический сдвиг», состоящий в изменении способов трансляции ценностно-смыслового содержания текстов культуры и обусловленный антропологическими изменениями в скорости и характере передаваемой информации (мобильность), особенностями восприятия (клиповое мышление), доминированием визуальной информации (ви-

деократия), влиянием медиа на формирование личности и ее отношение к миру.

6. Уточнено понятие медиаграмотности, которое понимается как степень и уровень владения личностью знаниями о ценностно-смысловом потенциале текста культуры в его функциональной и контекстуальной значимости. На основе анализа направлений профессиональной подготовки педагогов-культурологов разработана и обоснована авторская методика интерпретационной деятельности, ориентированная на формирование визуальной медиаграмотности.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1. Текст культуры как культурологическая категория представляет собой нелинейную последовательность символов, образующих целостное высказывание субъекта о культуре; текст культуры обладает содержанием, имеет смысловую завершенность и является отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в других.

2. Явления и практики культуры подвергаются осмыслению, анализу и интерпретации субъектом восприятия, что определяется как акт прочтения текста культуры, глубина которого зависит как от объективных, так и субъективных начал. Для интерпретации важна информация, закодированная в самом объекте восприятия, а также информация, которая сопутствует ему: это близкие и далекие историко-культурные и социальные контексты. На протяжении времени текст культуры может обрастать дополнительными смыслами, ценностями или, напротив, – утрачивать их. Текст культуры может претерпевать трансформацию и переходить из одной кодовой системы в другую. Важным звеном в прочтении текста культуры является субъект восприятия. Человек – это и создатель текста культуры, и его читатель.

3. На основе системно-деятельностного подхода предложена структурно-функциональная модель прочтения текстов культуры. Основу модели составляют универсальные ценности и смыслы культуры, которые актуализируются в зависимости от историко-культурного и социального контекста и репрезентируются в качестве визуальных, зримых образов. Текст культуры рассматривается как саморазвивающаяся система, ценностно-смысловой потенциал которой видоизменяется во времени и пространстве (дополняется смыслами или редуцирует их). Человек как субъект культуры выступает в роли структурообразующего компонента модели, поскольку благодаря его деятельности складывается образ реальности, репрезентирующий и транслирующий смыслы и ценности конкретной эпохи. Он же является активным интерпретатором текста культуры. На характер связей между компонентами модели влияет способ коммуникации, свойственный культуре, текст которой подвергается интерпретации, и технологические «посредники», существующие в культуре (например, аудиовизуальные технологии).

4. Сравнительно-исторический анализ позволил выделить три основных типа трансляции информации, заложенной в содержании текста культуры: традиционный, индустриальный, постиндустриальный. В ходе их эволюции обозначились тенденции развития визуальных информационных и коммуникатив-

ных технологий. В конце XX века зрелищность становится фактором, оказывающим влияние на формирование отношения «массового» человека к миру (нравственный релятивизм и равнодушие) и способы интерпретации им актуального текста культуры (эклектичные, мозаичные).

5. Созданный автором культурный текст, каждый раз актуализируясь в культуре, «рождается» заново в зависимости от личностных установок интерпретатора и социокультурного контекста. Субъект как «читатель» задает дальнейший вектор бытия текста культуры. В зависимости от основной цели и содержания интерпретаторской деятельности нами обозначены такие знаковые фигуры, как фланер, интерпретатор и критик. Ценностно-смысловая преемственность на уровне «автор – текст культуры – интерпретатор» – ключевое звено, позволяющее сохранить память и коды культуры.

6. Культурологическая интерпретация представлена как универсальный механизм воспроизведения/актуализации культурных смыслов и идей времени, имеющий ряд особенностей, влияющих на бытие текста культуры в последующие эпохи: временная дистанция от первоисточника и значимость для современности (по горизонтали); перемещение из одной культуры в другую (идентификационный поиск смыслов и реалий); социальная адаптация (по вертикали): популяризация, массовость, упрощенность. Каждая из особенностей находит свое воплощение в более частных практиках, механизмы которых обеспечивают трансляцию смыслов: содержательная/смысловая редукция (книги, реклама, фильмы, образы); развертывание смыслов (фильмы, тексты, образы – смысловое достраивание); монтаж; осовременивание; когнитивная гармония.

7. Дано определение визуального текста, который понимается как культурный текст, неизменными условиями прочтения которого является его фактура («зримое очами») и зрительное восприятие как один из наиболее доступных и быстрых способов рефлексивного отношения к действительности; он представляет собой воплощение кода культуры в знаково-образной целостности, воспринимаемой субъектом на идейно-смысловом и содержательном уровнях, обусловленной контекстуальными связями, ориентированной на позицию читателя. Практика чтения и видения сходятся в интерпретации текстов культуры, подвергающихся рефлексии в зависимости от установок личности. В отличие от визуального образа визуальный текст не только воспринимается субъектом, но и прочитывается. Это прочтение может носить как активный (осмысленный) характер, так и пассивно-созерцательный.

8. Способы диалога с Большим и Малым временем культуры находят отражение в экранных и медийных образах реальности. На рубеже XX-XXI веков визуальное интерпретируется как доминанта современной культуры («видео-кратия»). Задачей становится развитие критического отношения к навязываемым образам через воспитание медиакультуры личности. Для этого необходимо решать задачи профессиональной подготовки педагогов-культурологов, способных самостоятельно интерпретировать тексты культуры и готовых обучать этому других. Наиболее продуктивным видится такой путь: от самостоятельной интерпретации текстов культуры – к освоению методики их интерпретации – применению освоенного/интериоризированного опыта на практике.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ:

- обоснована концепция интерпретации текстов культуры и определены границы ее использования в качестве исследовательской программы анализа культуры в ее связях с прошлым и настоящим;
- уточнен категориальный аппарат теории культуры («текст культуры», «код культуры», «визуальный текст», «культурологическая интерпретация», «субъект как читатель текста культуры», «прочтение текста культуры», «визуальная грамотность»);
- предложена типология текстов культуры, опирающаяся на теорию М. Маклюэна о типах культур, а также учитывающая динамику их существования на макроуровнях (традиционном, индустриальном и постиндустриальном);
- раскрыта сущность визуального способа трансляции информации и его специфика в современных социокультурных реалиях (господство массовой культуры, широкое распространение масс-медиа, процессы виртуализации культуры и общества, синестезийность и дискретность восприятия реальности рубежа веков, поиск новых теоретико-методологических моделей для описания пограничного состояния культуры);
- обоснована культурологическая модель прочтения текстов культуры;
- представлена авторская типология читателей-интерпретаторов текста культуры (фланер, интерпретатор-создатель, критик) и определена их роль в современной действительности;
- предложенная культурологическая модель интерпретации текстов культуры как социально-коммуникативной практики освоения опыта человеческого бытия может быть рассмотрена как основа социально-культурного прогнозирования и моделирования процессов развития культуры в современном российском обществе;
- на основе разработанной культурологической модели интерпретации текстов культуры обновлено содержание учебных курсов для студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» профиль «Культурология» (базовые курсы предметной подготовки – «История культуры», модули «Культура античности», «Культура Средних веков и Возрождения»; курсы по выбору, раскрывающие особенности современной медиакультуры – «Медиакультура», «Исследования медиа в культурологии»; обучающие теории и практике интерпретации – «Исследовательский дискурс повседневности», «Художественная критика и рецензирование»). В рамках магистерской программы «Культурологическое образование» разработан курс «Актуальные проблемы современной культурологии», построенный на актуализации знаний о текстах культуры и обучающих методике их интерпретации. Результаты внедрены в практику работы высшей школы.

СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ гарантируется изучением фундаментальной и дискуссионной научной литературы, поэтапным применением выработанной культурологической методологии исследования, логикой культурологического исследования – от общих идей о структурно-семиотическом содержании текста культуры к анализу проблем современных практик и форм коммуникаций (медиаграмотность и медиаактивность), а также к прикладным аспектам изучения культурологии в вузе и школе.

АПРОБАЦИЯ И ВНЕДРЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Обсуждение промежуточных результатов исследования состоялось на следующих научных конференциях: «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» (Москва, 2011), «Информационно-коммуникационные технологии в сфере культуры» (Саратов, 2011), «Инновации в современном мире» (Новосибирск, 2011), «Культурология в контексте гуманитарного знания» (Курск, 2013); на *международных и всероссийских конференциях*: «Практики повседневности» (Екатеринбург, 2011); «Непрерывное образование: ориентиры инновационного развития» (Екатеринбург, 2011), «Технологии формирования толерантного сознания и профилактики проявлений экстремизма в молодёжной среде» (Екатеринбург, 2012), «Социально-гуманитарная экспертиза: анализ культурных стратегий развития территории» (Екатеринбург, 2013), «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2014), «Теория и практика актуальных исследований» (Краснодар, 2014).

2. Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры культурологии института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».

3. По теме диссертационного исследования опубликованы 47 работ (19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 15 из которых – по специальности 24.00.01 – теория и история культуры).

4. Материалы исследования апробировались в процессе чтения лекционных курсов по дисциплинам «Введение в культурологию», «Культурология», «История мировой культуры», «Художественная критика и рецензирование», «Актуальные проблемы современной культурологии», «Медиакультура», «История кино», «Культура повседневности» и внедрены в образовательную практику подготовки студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» профиль «Культурология»; магистрантов, обучающихся по программе «Культурологическое образование» (направление «Педагогические науки»); аспирантов, обучающихся по направлению подготовки кадров высшей квалификации «Образование и педагогические науки», специальность «Теория и методика обучения и воспитания (культурология)».

5. Методика и этапы работы с художественным произведением с учетом современных технологий и средств медиа стали основным содержанием выступлений на заседаниях ассоциации преподавателей предметной области «Искусство» г. Екатеринбурга, методических объединений педагогов Свердловской области.

6. Исследования, проведенные автором в процессе подготовки диссертационной работы, были поддержаны Министерством образования и науки РФ (проект № 5886 «Разработка учебно-методического обеспечения подготовки бакалавров культурологии на базе педагогических образовательных учреждений профессионального образования на основе компетентностного подхода» Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)»; Госконтракт № 14.740.11.1117 «Модель визуализации текстов культуры: анализ и интерпретация» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России

на 2009 – 2013 гг.»); государственное задание №2014/392 НИР №1881 «Региональный кластер культурологического образования как составляющая формирования новой интегративной модели развития территории»).

Соответствие специальности ВАК 24.00.01 – теория и история культуры: 1.2. Теоретические концепции культуры. 1.5. Морфология и типология культуры, ее функции. 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. 1.11. Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии. 1.12. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре. 2.23. Личность и культура. 2.24. Культура и коммуникация.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Диссертация состоит из введения, трех глав (9 параграфов) и заключения (общий объем составляет 321 страницы), а также списка литературы, состоящего из 395 источников, из них 20 – на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, формулируется рабочее определение текста культуры как целостное высказывание о ней, структурообразующими элементами которого выступают «коммуникативная природа текста» в целом, «автор», «реципиент/воспринимающий», «адресат», «смысл», «контекст».

В первой главе «Текст культуры как объект культурологического исследования» раскрывается сущность понятия «текст культуры» в теоретическом и историческом аспектах; на его основе разрабатывается структурно-функциональная модель интерпретации текста культуры, выступающая в качестве инструмента целостного анализа культуры через определение единства ценностных доминант, артефактов и деятельности субъекта-интерпретатора в заданных историко-культурных координатах.

Первый параграф **«Понятие «текст культуры» в культурологии»** посвящен концептуальному анализу текста культуры, имеющего долгую научную традицию (как европейскую, так и отечественную), и определению места данной категории в ряду понятий «текст как феномен культуры», «текст культуры», «культурный текст», «артефакт».

Категория «текст культуры» соотносится со следующими дефинициями: *текст* (связанное по смыслу и грамматически оформленное высказывание, выступающее необходимым элементом поля культуры) – рассматривается как универсальный механизм смыслообразования; *текст культуры* (целостное высказывание о культуре) – рассматривается как специфическая характеристика, определяющая характер отдельной культуры во взаимоотношенности ее связей; визуальный текст (проявление в содержании текста ценностей и смыслов на уровне визуального восприятия) – рассматривается как подсистема текста культуры, или – *культурный текст*; *артефакт* – раскрывает единичное в культуре, воплощающееся в бесконечном многообразии предметов, явлений и культурных практик.

Для понимания категории «текст» особое значение имеет *лингвистическая* традиция (Ф. де Соссюр, Ч. Пирс) в пределах которой текст представляет собой корпус вербальных (словесных) знаков, объединенных общим смыслом,

обладающий характером последовательного изложения информации и являющийся целостным и завершенным высказыванием.

Лингвистический текст – это объект познавательной деятельности для читателя, обладающий значимой информацией. Связь культуры и текста является органичной и естественной, если исходить из понимания единства их коммуникативной природы. Трансляция вербальных и невербальных сообщений (информации) от поколения к поколению есть универсальная форма общения в культуре. Сделанный постмодернистами (Р. Барт) «лингвистический поворот» в описании истории как науки, актуален для культурологической интерпретации в силу возможности рассматривать историю с помощью того же инструментария литературной критики, как и любой другой текст, при прочтении которого «вычитается» субъект исследователя, а основное внимание сосредоточивается на сознании субъектов истории, переживавших и творивших ее.

Семиотический подход к материалу культуры открыл полисемантический потенциал текстового пространства, так как оно распадается на иерархию «текстов в текстах» (Ю.М. Лотман) и образует сложные переплетения текстов. Культура, в этом смысле, – семантический универсум, который прочитывается человеком, включенным в него, как текст. Обозначение культуры как текста (понятие введено Ю.М. Лотманом) – это идеальное, на наш взгляд, представление о ней. Само же непосредственное ее восприятие, осмысление и понимание происходит благодаря наличию субъекта в этом процессе. Именно он выступает в качестве автора высказывания и формирует текст о культуре, целостное представление и высказывание о ней через актуализацию смыслов и ценностей, закрепленных в артефактах – культурных текстах. Цели и мотивы диалога между реципиентом и культурой обусловлены личностной и контекстуальной составляющими, определяющими заданность дальнейшего восприятия другим субъектом.

Текст культуры – это текст-образ, который представлен через понимание одного субъекта восприятию другого. В нашем исследовании текст культуры выступает как понятие, конкретизирующее взаимоотношения культуры, в целом, и воспринимающего ее субъекта в условиях XXI века. Сценарий коммуникации выстраивается в зависимости от социальных и культурных мотивов.

Адресат – это и «получатель», и воспринимающий, и в дальнейшем – интерпретатор, т.е. тот, кто читает текст культуры, погружаясь в содержание смыслов и проживая их в определенном историко-культурном контексте. Для *современного массового человека* этот процесс идет ретроспективно: от настоящего, постепенно «снимая» слой за слоем, он «расколдовывает» (М. Вебер) зашифрованную в кодах реальность. Видение истории культуры через образы уже существующие и закрепленные в культурных практиках – это актуальный путь постижения поколением XXI века прошлого, в основе которого лежит смыслотворческая деятельность субъекта.

Интерпретация текста культуры через ценностно-смысловую составляющую является важным этапом процесса: от восприятия до трансляции информации в историческом контексте. По мере умножения и усложнения форм взаимодействия человека и реальности, изменяется и понимание человека как субъекта культуры в философии, аксиологии, культурологии. Каждая эпоха раскрывается

через ценности, которые в своей совокупности позволяют прочесть ее как текст об отношениях Человека и Мира. Контекст и язык становятся отправными точками интерпретации реальности.

Под *«текстом культуры»* в нашей работе понимается *нелинейная последовательность символов, образующих целостное высказывание субъекта о культуре; текст культуры обладает содержанием, имеет смысловую завершенность и является отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в других.*

Отдельные аспекты текста культуры раскрываются в различных философско-культурологических традициях: феноменологической, герменевтической, аксиологической, структурно-семиотической и пр.

Текст в его *феноменологической* интерпретации (Эд. Гуссерль, Э. Левинас, М. Мерло-Понти) понимается как всеобщий аспект всех феноменов, попадающих в кругозор человеческого сознания: экономических, социальных, политических, идеологических, гуманитарных, естественнонаучных, технических, математических, исторических, природных, психических и т.п. Смысл текста культуры всегда глубже, чем то значение, в котором он выражен. Восприятие реальности позволяет увидеть суть текста, дальнейшая интерпретация которого зависит от состояния человека, в котором он бессознательно соотносит текст (объект) со своим телом, представляющего собой «открытую целостность» (М. Мерло-Понти) и выведенного в экзистенциальную плоскость.

В силу того, что история человечества предстает как многозначный и многомерный текст рефлектируемой предметности, имеет значение как социокультурный и антропологический аспект бытия общества, так и индивидуально-личностный. *Культурный смысл* – это информационный потенциал, отражающий образ жизни и культуру и позволяющий субъекту постичь и понять окружающий мир, а также свою роль в нем. Постигание культурного смысла определенной эпохи дает возможность рассматривать, как происходит «схватывание» образа культуры и его запечатление в конкретных формах (вербальных и зримых).

Герменевтический подход (Ф. Шлейермахер, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр) позволяет истолковывать текст в единстве его «единиц», которое представляет собой процесс понимания, осмысления и трансляции реалий культуры, явленный в их совокупности. Герменевтика текста осуществляется через знакомство с содержанием авторского текста (на уровне значений), затем происходит «перевод» значений на язык внутренней, ментальной, речи (Л.С. Выготский), порождение лично значимых смыслов и, как результат, – возникает потребность в их означивании, на основе чего и создается собственный «вторичный» текст. В данной традиции при интерпретации текста как такового и текста культуры актуальными становится категория «понимание» («понимание смыслов текста как такового» / «понимание смыслов текста культуры»).

Исследователь занимает позицию активного субъекта интерпретации истории. Проникновение в прошлое происходит через знакомство с ним на уровне артефактов и социально-культурных практик. Диалог на уровне смыслов и их

понимания возможен тогда, когда через смыслы произведения становится очевидным контекст его создания. «Читатель» такого текста в процессе его понимания выступает в качестве равного по духу, дарованию и образу мысли самому автору. Вживание в субъективный мир автора как способ толкования текстов не является конечной целью для интерпретатора. Он представляет собой всего лишь этап на пути продуцирования и открытия новых смыслов на основе первоначальных.

Основная задача интерпретатора – преодолеть образовавшуюся дистанцию между эпохой прошлого, которой принадлежит текст, и актуальным временем самого интерпретатора. В процессе этой коммуникации происходит трансформация субъекта понимания смыслов: он через понимание другого открывает понимание самого себя. Тем самым интерпретатор как бы «присваивает» текст и становится его современником, а текст – его собственным.

В качестве важных этапов процесса понимания нами выделяются следующие: понимание текста через понимание и осмысление самого текста; понимание полисемантической и многоуровневости самого текста; акцентирование на невозможности дать единственно верное прочтение, восприятие и понимание текста; осознание того, что человек, занимающийся интерпретацией, сам становится источником порождения и трансляции новых смыслов.

Аксиологический подход позволяет выявить содержательную сторону текста культуры через категорию «ценность/смысл», которую можно рассматривать как минимальную единицу текста культуры, так как именно совокупность ценностей дает представление о содержании культуры и лежит в основе формирования мировоззрения личности, отражающей особенности европоцентристской модели мира.

Актуализация ценностей как воспроизведение идей времени происходит путем их воплощения в смыслы и практики культуры. Наиболее репрезентативной из них мы считаем сферу художественной культуры, так как в ее пределах идеи и ценности приобретают оформленный вид. Их субъективное видение позволяет выстроить спектр личностного восприятия времени и содержания эпохи, проживаемых как на уровне повседневности, так и на ментальном уровне, отражающем коллективное и индивидуальное сознание.

Каждая эпоха формирует свой тип человека, рефлексивно воспринимающего и оценивающего реальность. Позиция философа, который «смотрит» на ценности культуры и актуализирует ее смыслы в пределах историко-культурного этапа важна и необходима для настоящего исследования с тем, чтобы высветить особенное в воспроизведении идей времени – ценность Человека как субъекта и объекта культуры в исторической динамике.

Вопрос о знаковых и значимых ценностях в пределах историко-культурных координат является для гуманитариев ключевым, так как возникающие идеи и смыслы в какой-либо временной период выступают не только стержнем культуры, но и ее внутренним смыслом, отражающим его мотивированность другими подсистемами культуры (духовной, материальной, художественной).

Методологические принципы, предлагаемые сторонниками *структуралистских* концепций, были ориентированы на рассмотрение языка («текста», «дис-

курса») как способа упорядочения, расчленения и взаимосоизмеримости явлений и продуктов культуры, какие представляются не соизмеримыми в реальности. Основная цель структурного анализа заключается в поиске закономерностей, присущих всем культурным текстам на определенном историческом этапе, и описании процесса формирования смысла. Субъектное начало в установлении структурного единства множества текстов рассматривается как избыточное, мешающее определить и упорядочить «объективированные» единицы языка культуры. Человек интересен структуралистам как активный интерпретатор знаково-символической реальности, прочитываемой как текст.

Интерпретация текстов культуры сторонниками структурализма и пост-структурализма Л. Гольдманом, Ж. Лаканом, К. Леви-Строссом, М. Фуко, У. Эко и др. основывается на анализе различных комплексов культурных текстов: выявлением структурного единства, стоящего за знаковым и смысловым многообразием текстов, порожденного универсальными для человека правилами образования символических объектов. Исследователи стремились выделить из всего корпуса культурных текстов и знаковых систем те, в которых можно было увидеть определенные сходные черты, предполагающие наличие внутренней структуры.

Эти идеи стали определяющими в разработке теорий интерпретации фактов, событий, явлений в их связи с историко-культурным контекстом. Представление о том, что собой представляет текст как способ прочтения реальности или истории в его взаимосвязи с языком, становится более четким. Вырабатываются новые методы толкования артефактов и действий человека в истории. А вместе с тем и сам мир культуры воспринимается как текстовая реальность. Словами Ж. Деррида: «Ничто не существует вне текста»¹, – утверждается единство культуры, истории, литературы, общества и отождествляется как сумма текстов, посредством которых познается многогранный мир культуры. Субъект культуры находится внутри текста и становится тем, через кого «говорит язык» (М. Фуко).

Ведущая задача историко-культурологического исследования – представить текст культуры во всей полноте связей. Каждая эпоха в силу существующих дискурсивных практик и научного знания образует своеобразный код, являющийся отражением «языка эпохи» и воплощением культурных смыслов и ценностей, характерных для социального бытия. Культура как метатекст – это сложное единство всех ее структурных элементов и подсистем, находящееся в постоянном развитии и взаимодействии на уровне субъект-объектной действительности, обладающее целостностью понимания и интерпретаций культурных текстов/культурных практик.

Язык – это универсальная форма освоения реальности и вместилище памяти культуры. Он обладает национальной спецификой, ментальными особенностями, своеобразием репрезентации ценностей и отношением к миру. Текст культуры формируется и строится на основе языка, на котором «говорит» та или иная культура (*метаязык эпохи*). Текст культуры в зависимости от формы его воплощения, его телесного образа способен транслировать одну и ту же воспринимаемую человеком и обществом информацию с разной силой, скоростью и глубиной. Искусство зачастую рассматривается как «великолепно организованный ге-

¹ Деррида Ж. Из Грамматологии. Балтимор, 1976. – LXXXVII. С. 158.

нератор языков особого типа», но эта проблема имеет более частный характер и решается в пределах художественных практик в отличие от культурных текстов, которые не всегда обладают художественной значимостью.

Ю.М. Лотман выделял три универсальные функции текста: коммуникативную, функцию смыслообразования и памяти². В логике настоящего исследования мы конкретизировали функции и обозначили их в следующем порядке: *информативная, функция коммеморации (культурная память), коммуникативная, функция трансляции, функция сохранения и приращения смыслов*.

Выбор типа повествования текста культуры играет важную роль для последующего его прочтения: вербальный и невербальный тексты имеют разную природу и способны оказывать воздействие на разные органы чувств и восприятие человека. Соотношение внешней (знаковой, зримой, тактильно чувственной) и внутренней организации текста (ценностно-смысловой потенциал) является не только структурной оформленностью текста культуры, но и открывает перспективу для интерпретации внетекстовой реальности, включающей исторический, социальный и личностный, культурный контексты, контекст Большого и Малого времени, а также способность текста обретать/приращивать новые, дополнительные смыслы, выстраивать коммуникативные отношения с действительностью. Каждый из обозначенных внетекстовых компонентов может влиять на способы и формы бытования текста культуры. Это определяет *специфику культурологической интерпретации* текста культуры и входящих в его состав элементов:

- в способности преодолевать границы других наук и дисциплин и «стягивать» присущие им методологические решения (сравнительно-исторический, структурно-функциональный, семиотический, синергетический и др.) с тем, чтобы удерживать контуры изучаемого и постигаемого пространства;
- в метанаучном видении, открывающем целостное представление о культуре, происходящих в ней процессах, в том числе и социальных, о месте человека в ней;
- в обращении к описательности (при характеристике типологизации) как необходимому методологическому приему с целью уточнить и конкретизировать смысл того или иного культурного явления;
- в рассредоточенности на мелочах, фактах, конкретике относительно, например, произведений и явлений художественной культуры с тем, чтобы дать представление об их комплексном характере;
- в свободе от «догм» и «канонов» универсализации в описании культурной реальности: выбор сценария повествования остается за субъектом, а попадающие в поле культурологического анализа явления носят ситуативный характер;
- в возможности индивидуализировать ситуацию, которая подвергается научной рефлексии: субъектное начало в аргументации и выборе ее способов преобладает в гуманитарных исследованиях.

Во втором параграфе «**Исторические типы текстов культуры**» на основе теории о типах культуры М. Маклюэна выделены исторические типы текстов

² См.: Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб., 1998. С. 14-285.

(традиционный, индустриальный, постиндустриальный), которые отражают особенности трансляции информации, заложенной в их содержании. В ходе эволюции текстов культуры обозначаются тенденции визуальных информационных и коммуникативных технологий, влияющие на социально-культурные сферы общества и частную жизнь отдельного человека.

Тексту традиционной культуры характерны устные средства коммуникации, при которой человек раскрывает свою тесную, неделимую связь с коллективом и является прямым участником всех событий. Тип коммуникации, характерный для определенной культуры, позволяет нам раскрыть особенности трансляции информации в пределах исторической эпохи, а также определить логику прочтения текста культуры с позиции современности с учетом физиологических факторов восприятия мира. Нами выделена репрезентативность культурных текстов и артефактов, позволяющая максимально быстро выстроить коммуникацию между субъектом и историко-культурной реальностью на уровне «схватывания» ключевых знаков, символов, форм, смыслов. Интерпретация текста культуры предполагает выстраивание коммуникативных отношений между текстом культуры, его «автором», эпохой/эпохами и субъектом-интерпретатором, данная теория о типах культуры позволяет рассматривать качественные характеристики текста и его функциональную значимость.

Обозначенный способ выделения текстов культур на основании типа носителя информации нашла воплощение в характеристике *дописьменных* (бесписьменных): кодирование информации происходит в устном слове, в визуальном и аудиальном образах, а также в декоративно-прикладном искусстве; *письменных* (книжных): главным и основным способом фиксации ценностно-смыслового содержания культуры становится книга и письменный текст, выступающий в единстве с другими способами трансляции информации (невербальными); *экранных* (информационных) культур, ориентированных на разные способы и средства передачи информации – медиасредства и медиаисточники становятся не просто условием передачи накопленного опыта и знаний, но и оказывают влияние на способы жизни современного человека.

Европоцентристский взгляд на практики прочтения текстов культуры воздействует на формирование представлений современного человека о целостности культурной картины мира, ценностно-смысловые доминанты которой актуализируются в массовом сознании средствами медиа. В рамках настоящего исследования наше внимание акцентируется на определении динамики текстов культуры на макроуровнях, которые можно разграничить по типу коммуникации: *традиционный, индустриальный, постиндустриальный (современный) типы коммуникаций*. Они различаются приоритетом ценностей, соотношением практик прочтения и интерпретации, кодовым характером культуры, их материальным наполнением, а также типом трансляции информации, заложенной в исходном тексте культуры.

В зависимости от способа фиксации знания/опыта/смыслов эпохи нами обозначены три типа текстов:

- текст традиционной культуры (первобытность, античность, Средние века), для которого характерны синкретизм, мифологическое/религиозное мышление, устойчивая традиция передачи информации (народная культура, эпос);
- текст индустриальной культуры (Новое время), отражающий специфику рационального мышления человеком этой эпохи, системность и энциклопедизм, усложняющиеся социально-культурные и художественные практики репрезентации действительности, технической поворот, повлиявший на формы и виды искусства;
- текст постиндустриальной культуры (Новейшее время, современность), представляющий многообразные поиски человеком своего места в мире, переполненном техникой и медиаинформацией, а также варианты репрезентации действительности в условиях глобализации.

Интерпретация каждого типа текста культуры определяет следующие этапы деятельности субъекта: восприятие, узнавание, опредмечивание / распрепредмечивание, осмысление и понимание. Каждый из них выявляет уровень вхождения личности в смысловое поле текста культуры и определяет его информационную и коммуникативную способность быть источником для субъекта в актуальное для него время и пространство.

Прочтение текста культуры обретает осмысленный и упорядоченный характер, если руководствоваться ключевыми моментами интерпретации: выделение способа/способов фиксации знаний и социально-культурного опыта; определение ценностно-смысловой системы координат, характерной для формы мышления; определение места человека и его роли в пределах определенного типа культуры; концентрация смыслов и ценностей в художественно-образных (визуальных) формах.

Античная культура как вид традиционной культуры обладает богатым материалом, отражающим синкретичную природу разных сторон и сфер социально-культурной действительности. Мифология, литература, философия, искусство связаны с представлением человека о Космосе. С космологией тесно связана вся научная, литературная, мифологическая, философская мысль античного мира. Даже античные боги – это те же идеи, которые воплощаются в Космосе, это законы природы, которые им управляют. Структура социально-политического устройства античности демонстрирует представление древних об устройстве мира, порядке в нем и основных ценностях мироздания. Человек (микрокосм), космос и полис – эта триада лежит в основе понимания гармонии мира, это то, что противоположно хаосу, варварству и смерти и являет собой целостное высказывание о культуре этого периода. Скульптурность рассматривается как доминанта при интерпретации текста античной культуры.

Средние века обозначены наличием особых архитектурных форм: кафедральный собор, светский замок и монастырская обитель. Архитектура как одно из наиболее репрезентативных искусств периода Средних веков максимально полно реализует идею текста культуры, получившего свое визуальное воплощение.

Гуманисты эпохи Возрождения открыли возможность интерпретировать реальность в визуальном измерении, соотносимого с принципами античной культуры. «Прочтение» созданных живописных и скульптурных образов согласно прин-

ципам иконографии и иконологии позволяло и позволяет воспринимать художественные и культурные ценности этого этапа культуры в их тесной взаимосвязи с пространством и временем, а следовательно – как единый текст, имеющий свою историю, традиции, и особенности репрезентации в современной культуре.

Способы рационального познания мира и ориентация на новации – доминанты периода Нового времени. Человек противопоставляет себя окружающему миру. Знания приобретают абстрактный характер. Научно-технический прогресс меняет не только мышление человека, но и способы конструирования и восприятия действительности. Развитие городской инфраструктуры формирует и новые практики освоения пространства и наделение его смыслами. Появляется новый тип интерпретатора социально-культурной действительности – фланер, читающий повседневно-бытовые практики как текст. Возрастает и роль критики как интеллектуально-рефлексивного способа восприятия и осмысления историко-культурной реальности. Факты, события, явления культурной жизни подвергаются анализу и интерпретации как в научной сфере, так и художественной, например, в литературе (журналистика, жанр романа). По мере усложнения форм рефлексии над исторической реальностью изменяется количественный и качественный состав культурных текстов (критика, фотография). Накопленный человечеством на протяжении всей истории культуры опыт, определяющий ценностно-смысловой и информационно-коммуникативный потенциал различных эпох, осваивается человеком Нового времени в ситуации постоянного диалога с прошлым о ценности Человека и его месте в этом мире. Сам субъект находится в поиске точек опоры и новых духовных ориентиров, которые позволяли бы прочитывать прошлое определенной эпохи в ее связях с настоящим в их текучести и единстве, как целостный текст культуры.

XX век открыл человечеству великое множество имен, школ, стилей, направлений, течений. И этот этап в истории культуры является одним из сложных для представления в качестве целостной картины мира, его трудно осмыслить отстраненно и объективированно. Целостность высказывания о культуре достигается путем сложения множества точек зрения и реализации большого количества практик. Поэтому обретение человеком XXI века смысловой завершенности в процессе восприятия и прочтения культуры прошлых столетий видится как методологическая проблема.

В культуре постиндустриального общества мир предстает как дискретная реальность, человек ощущает свою незащищенность, потерянность и одиночество. Искусство становится выходом и формой спасения человека.

Вторая половина XX века обозначена сменой приоритетов: человек становится активным потребителем материально-физиологического мира. Принцип плюрализма проявлен и в политике, и в религии, и в искусстве, и в моде. Особую значимость приобретают этнические, конфессиональные, образовательные, профессиональные и другие идентичности. Городское и провинциальное пространство задают специфические модели конструирования социально-культурных отношений. Появляется и новый тип собственности – интеллектуальная. Ценности массовой и элитарной культуры повлияли на способы потребления информации. Потoki разнокачественной информации распространя-

ются быстрее, чем общество и отдельный человек успевает вырабатывать принципы их восприятия и анализа. Качества, которые проявляются человеком рунбежа тысячелетий в процессе освоения и постижения реальности, – это скорость, мобильность, инициативность и стрессоустойчивость на происходящее вокруг.

Обрести смысловую завершенность текста культуры постиндустриальной эпохи становится все затруднительнее в силу особенностей мышления современного человека, видеократии и множества альтернативных практик как способов фрагментарного «схватывания» реальности и оформления в текст высказываний о культуре как настоящего, так и прошлых веков.

В третьем параграфе **«Визуальное как способ освоения действительности: от восприятия к тексту»** основное внимание сосредоточено на процессе видения, в котором основными компонентами являются видимое и видящий. Человек видит цельно, не разбивая объект на его передний план и тень, представляющую тело в пространстве и дающую нам возможность, не меняя точки наблюдения, получить информацию с, казалось бы, несовместимых ракурсов (М. Мерло-Понти).

В традиции Visual Studies феномен визуального как объект изучения оформляется в последние 10-20 лет. Акцент делается на особенностях видения как процесса восприятия, например, произведений искусства, а также на репрезентации современных и актуальных практик культуры. Следует заметить, что в отечественной литературе вопросы визуального рассматривались в общей системе эстетики, а именно – в связи со спецификой восприятия произведения искусства (М. М. Бахтин, Т.Ю. Быстрова, Ю. Б. Борев, В.И. Жуковский, М. С. Каган, Д.В. Пивоваров, П. А. Флоренский и др.).

Видение – это активный процесс, побуждающий к действию, будь то активное или пассивное восприятие. Р. Арнхейм подчеркивал такое свойство визуального восприятия, как комплексность: ни один объект не воспринимается человеком изолированно, он обязательно вписан в общую систему координат, соотносится с остальными телами по размеру, цвету, яркости и другим параметрам. Только такое видение позволяет сконструировать целостное представление об окружающей действительности. Историческая эпоха, социальные условия, культура, религия, национальные, антропологические и другие параметры субъекта восприятия, определяющие оценку объекта в эстетическом плане, также влияют на визуальное восприятие.

Визуальный образ можно охарактеризовать как результат отражения человеком предметов и явлений материального мира, относящийся к непосредственному зрительному восприятию. Такой элемент зрительной информации представлен единством плана содержания (смысла) и плана выражения (формы). Восприятие визуальных образов – результат работы сложной системы, включающей в себя зрение, мозг, психику и культуру, выступающую в качестве преломляющей линзы.

Восприятие визуального образа происходит под влиянием факторов (сложность/легкость форм, цветовое решение, дизайн, узнаваемость, неожиданность решений и проч.), играющих немалую роль в варьировании результатов отраже-

ния, и носит исключительно субъективный характер. Видимые образы воспринимаются индивидом легче других вне зависимости от скорости и простоты усвоения, несут в себе большой объем информации. Репродукция образа реальности характеризует и объект, и субъект познавательного процесса – особого типа коммуникации – и является уникальной единицей визуальной информации.

Чтение в его классическом понимании и чтение образной и знаковой реальности имеет общие принципы – распознавание, атрибуция, осмысление и со-творчество читателя/зрителя с объектом чтения/видения, но различаются механизмы и способы трансляции информации. Если выйти за пределы искусства, то можно утверждать, что в XXI веке, веке Интернета, тиражируемость информации, заключенной в визуальном объекте, высока и существенно влияет на различные социокультурные сферы. Визуальный образ способствует постижению мира, оказывая влияние на формирование новых практик культуры, образцов и типов поведения, установление ценностей, вкусов и стилей той аудитории, которой адресован визуальный текст. И прочтение визуального образа как целостного текста зависит и от физических свойств самого объекта видения, и от заложенных в него смыслов, и от контекста, и от психологических и индивидуальных особенностей субъекта созерцания. Мир как зримая человеком реальность подвергается прочтению разными способами и осмысливается человеком на разных уровнях (личностном – социальном, вербальном – невербальном, символическом – знаковым).

Схожесть практики чтения и видения наблюдается в интерпретации текстов культуры, под которыми понимается информационное поле, подвергающееся каждодневной, ежечасной рефлексии над реальностью в зависимости от установок личности. В узком смысле, текст культуры – это транслируемая субъект-объектная информация, подлежащая декодированию, прочтению и осмыслению. Особенно популярными сейчас являются такие медиапродукты, как научно-популярные фильмы и фильмы-реконструкции, жизнеописания художников, писателей, композиторов, истории отдельных шедевров, выстраивающие повествование с помощью зрительного ряда.

Визуальный текст понимается как зримая (воспринимаемая глазом) система, в которой ценности и нормы определенной культуры носят кодовый характер и представлены в виде знаков, символов и образов, взаимосвязанных между собой различными контекстуальными связями. Визуально воспринимаемая реальность «строится» по субъект-субъектному / субъект-объектному принципу с помощью экстралингвистических средств. Визуальный текст не дает возможности человеку игнорировать его и уже имплицитно рассчитан на читателя особого типа.

Ситуация XXI века задала особый тон восприятия окружающего мира, основными чертами которого являются динамика и повышенная по сравнению с предыдущими веками скорость изменений. Визуальный поворот определил специфику взаимодействия человека и мира в условиях постиндустриальной культуры и привел к тому, что оформился совершенно особенный тип *визуального мышления*, характерный для субъекта нового тысячелетия.

Восприятие зримой реальности стало соотноситься с техниками построения текста, что, в свою очередь, привело к такой форме выражения отношений между Человеком и Миром, как визуальный текст. Приведенное нами понятие

может быть рассмотрено как в узком смысле – процесс «прочтения» таких культурных текстов, которые ориентированы на непосредственное зрительное восприятие, так и в широком – принцип видения окружающей действительности как основной принцип восприятия информации посредством зрения, на основе чего происходит дальнейшее осмысление и понимание ценностного содержания истории.

В главе второй «Интерпретация как универсальный механизм прочтения текста культуры» описываются сущностные черты кода культуры, характер и особенности «хранения» и трансляции ценностно-смыслового содержания, заложенного в тексте культуры; решается задача характеристики специфики субъектного восприятия текстов культуры и анализа основных факторов и механизмов их интерпретации.

В первом параграфе «Код культуры и его прочтение» культура рассматривается как множество кодов, которые находятся в состоянии постоянного декодирования. Коды соотносятся друг с другом и прочитываются на уровне общности плана содержания, отражающего картину мира определенного времени и пространства. Вторичные знаковые системы несколько отличаются от того, что следует понимать как код.

Идея Ю.М. Лотмана о том, что коды представляют собой несущую конструкцию, позволяющую «всему «зданию культуры» конкретного этноса сохранять прочность в течение длительного периода времени, а ее носителям (представителям разных поколений) глубоко осознавать свою неразрывность с родной культурой, поддерживать чувство этнокультурной идентичности находит свое продолжение в работах современных авторов. Опыт рассмотрения иерархически организованной системы различных кодов существует у лингвистов (В. Н. Телия, Н.И. и С.М. Толстые, В.В. Красных, Г.А. Аванесова и И.А. Купцова и др.). В целом, подчеркивается упорядоченность всех элементов, входящих в состав кода, их тесное взаимодействие, устойчивость в хранении информации, обусловленность социально-культурной действительностью.

Мы приняли во внимание, что У. Эко определяет код как «систему, устанавливающую: 1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому»³. Коды культуры становятся своеобразной системой координат для человека, содержащей и задающей эталоны культуры. «Прочитать» культуру или воссоздать ее образ возможно при условии декодирования целой системы кодов, предложной У. Эко, которая состоит из 1) кодов восприятия; 2) кодов узнавания; 3) кодов передачи; 4) тональных кодов; 5) иконических кодов (фигуры, знаки, семы); 6) иконографических кодов; 7) кодов вкуса; 8) риторических кодов; 9) стилистических кодов; 10) кодов бессознательного.

Учитывая вклад современных исследователей в теоретическое освещение категории «код культуры», мы вывели следующее его определение. Под **кодом культуры** мы понимаем *совокупность знаков и их комбинаций, характерных для историко-культурного периода, получившую вербальное и/или невербальное вы-*

³ Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 1998. С. 45.

ражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик.

Код культуры содержит зашифрованное сообщение, сочетающее предметные символы культуры. Связь знака и значения представляет собой диалектическое единство духовного и материального в культуре. Но прочесть код культуры можно с учетом того синтаксиса, который характерен для эпохи. Соответственно, вербальные тексты рассматриваются в системе традиционной интерпретации, но с учетом специфики контекстуальных связей внутри культуры, т.е. как текст внутри текста культуры. Невербальные тексты классифицируются по принципу их восприятия рецепторами человека: визуальные, аудиальные (слуховые), тактильные, вкусовые, обоняемые (ольфакторные) – и прочитываются исходя из особенностей функциональной предназначенности в культуре.

Благодаря языку культуры и культурному коду обеспечивается передача информации от одного поколения другому в пределах всей человеческой истории. *Культурная память* определяется нами как социальный механизм актуализации смыслов и ценностей, подвергающихся интерпретации внутри конкретного пространства и конкретного времени. Она не обладает абстрактным характером и, если речь идет о реконструкции прошлого (далекого прошлого), то стоит говорить и о «параметрах» артефактов («архем»). Согласно археологической типологии А.С. Клейна⁴, выделяется пять, три из которых собственные (материально-технические характеристики, предполагаемая функция и локализация во времени и пространстве) и две реляционных (схожесть и контекст). Благодаря артефактам, обладающим этими параметрами, осуществляется связь времен. Они (артефакты) становятся своеобразным вместилищем памяти как прямой (о самом себе и в себе заключенной), так и косвенной, прочитываемой через контекстуальные связи близкие и далекие с другими артефактами (материальными объектами).

Декодирование текстов традиционной культуры является свидетельством того, что важной для истории и культуры является не только сообщаемая самим объектом информация, но и другие компоненты: факты, события, знания о них, системность и контекстуальность, которые напрямую не сообщаются объектом культуры, но считываются субъектом восприятия. Сложность заключается в том, что именно субъект играет значимую роль в интерпретации информации: как будет прочитан и осмыслен тот или иной артефакт, будут ли появляться искажения в смысловых и функциональных структурах анализируемого объекта и от чего это зависит. В этом случае код культуры выступает в качестве сдерживающего смыслового конструкта.

В условиях индустриального общества текст культуры воспринимается как прямой источник информации. Стремление объяснить мир и человека с позиций рационализма приводит, с одной стороны, к четкости и стройности формулиро-

4 См. подр.: Клейн А.С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 351. «Архемы – это непосредственные материальные результаты исторических событий и процессов, материальные остатки и следы участвовавших в этих событиях и процессах предметов, мысленно фиксированных в момент отложения, аккумулировавшие в себе время их бытования в культуре» (С. 351). Культурный смысл архемы определяется качественно, т.е. роль объекта в культурной системе, содержание и роль (С. 352).

вания мысли, а, следовательно – и научного мышления; с другой – усложняется мир сознания человека, так как сам язык становится абстрактным по своему характеру. Развитие литературного творчества в различных направлениях открывает человеку новые перспективы и возможности описывать мир и человека и закреплять знания о них в знаковой форме. Реакция человека на первичные и вторичные знаковые системы в культуре становится формой естественного диалога с Большим временем.

В постиндустриальном обществе человек не только мыслит образами (преимущественно визуальными), но и предпринимает активные действия по перекодированию письменного текста в систему визуального ряда. Ему тяжело вырваться за пределы «массовой социализации» и он являет собой тип «одномерного человека» (Г. Маркузе). Доступность информации, характерная для XXI века, облегчает процесс узнавания кода культуры и его интерпретации.

Код самодостаточен для формирования и сохранения человеческой культуры и узнаваем в каждом из типов культуры (в традиционном, индустриальном и постиндустриальном). Он открыт к изменениям и порождению новых культурных смыслов и кодов.

На рубеже XX-XXI вв. «код культуры» (М. Лотман) и «текст культуры» (А. Я. Флиер) стали сопрягаться с понятием исторической памяти внутри «Memory Studies» (Я. Ассман, П. Нора, М. Фуко, М. Хальбвакс и др.). Основное внимание исследователей этого направления связано с особенностями коммуникации в культуре на уровне Времени и Пространства. Для нас важно то, что опыт, который транслируется из поколения в поколения и закрепляется в памяти как отдельного субъекта, так и общества в целом, отражает не только суть события или факта, но и занимает особую нишу в жизни человека. Посредством памяти происходит опредмечивание и распредмечивание ценностей культуры, «человеческого» содержания истории. Код культуры является воплощением особой памяти, закреплённой в сознании современников эпохи, и ее выражением в культурных текстах.

В зависимости от типа фиксации информации и способа ее «хранения» код культуры находит свое воплощение в разнокачественных текстах (вербальных и невербальных), которые в различных комбинациях могут обладать совместимостью / не совместимостью и соответствовать принципу репрезентативности.

Каждая эпоха формирует свою кодовую систему, но при этом обладающую универсальным характером. В пределах оформленной и сложившейся системы становится возможным измерение координат историко-культурного этапа. Такая фиксация позволяет выявить действующие с разной скоростью механизмы трансляции смысловой и ценностной информации текста культуры. Достоинством системы является ее способность «записывать» и «передавать» сигналы на уровне их герменевтической ясности. Кодовая система может порождать такие тексты, конкретный вид которых зависит, во-первых, от возможностей самой системы, во-вторых, от ограничений, наложенных на нее современной нормой языка (языка культуры), и в-третьих, от ситуации, сюжета, образа, транслируемых в тексте.

Во втором параграфе «**”Читатель”** текста культуры: **фланер, интерпретатор, критик**» предлагается типология образов потенциального читателя текста культуры и определяется их роль в современности.

Предлагая варианты субъектов-читателей текста культуры, мы исходили из содержания основного вида деятельности каждого.

Для *фланера* характерна практика фланирования по тексту культуры. Позиция наблюдателя удобна тем, что возникает возможность непринужденного разглядывания и рассматривания всего до мелочей, проникая в самые сокровенные «уголки» историко-культурной реальности и как бы оставаться незамеченным, т.е. повествовать об «увиденном» с позиции объективного наблюдателя. Активность практики созерцания фланера выражается в создании осмысленного им, индивидуального текста, который прочитывается как внутренне прожитый и прочувствованный образ культуры. Данный тип «читателя» был рожден эпохой XIX века. В большинстве своем практику фланирования осуществляли приверженцы дендистской моды, а среди писателей – те, кто умел «читать» эпоху и воплощать ее образ на вербальном языке. В информационную эпоху фланер приобретает качество вебсерфера – фанатика Сети, способного часами путешествовать по различным сайтам и конструировать свой образ текстовой реальности.

Интерпретатор как читатель текста культуры занимает позицию активного собеседника с текстом. Осмысляя и проживая его, он способен предложить альтернативный образ, раскрывающий или дополняющий смыслы первоисточника. Например, когда речь идет об экранизации, то диалог как способ общения произведения со зрителем носит специфический характер. Для того, чтобы диалог состоялся, необходимо говорить на одном языке, необходимо понимание *другой* позиции и находиться в одном смысловом пространстве одновременно с автором произведения, текстом, экранизацией и ее создателем – режиссером. Уровень подготовленности зрителя к такому диалогу может быть различным – от обывательского до профессионального:

- неподготовленный зритель: не читал произведение/произведения автора, положенное в основу экранизации;
- малоподготовленный зритель: читал текст произведения, но не знаком с контекстом и историей его создания;
- подготовленный зритель: читал текст, имеет представление об особенностях его создания и может определить, какое место данное произведение занимает в творческой лаборатории писателя;
- хорошо подготовленный зритель: читал текст, знаком с творчеством писателя, имеет представление об эпохе, в которую он был создан и может выявлять контекстуальные связи этого произведения с другими на уровне сюжетов, мотивов, образов, идей;
- зритель – профессионал: умеет соотносить и анализировать текстовую основу произведения и его визуализированную версию, подготовленный интерпретатор и критик.

В эпоху визуального мышления трансляция информации средствами медиа открыла путь к «созданию» и «пересозданию» художественных образов. Субъективистское начало, множественность самопрезентаций «Я», низкий уровень со-

циальной ответственности в постиндустриальную эпоху оказывают влияние на практики интерпретации социально-культурной действительности. Это сказывается и на отношении к текстам культуры. Эксперимент, заключающийся в игре со смыслами и ценностями определенной эпохи, «оправдывает» содержание: волюнтаризм интерпретаций исторических реалии и событий, творческих судеб и произведений искусства наблюдается в массовом масштабе на экранах, в прессе, Интернете.

Критик ориентирован на профессиональную интерпретацию текста. Для этого необходим определенный базис знаний и опыта, а также мастерство владения словом. Деятельность критика рассматривается гораздо шире и распространяется не только на «искусство слова», но и на другие художественные практики. В этом смысле критик становится не просто читателем текста, а пронизательным интерпретатором ценностно-смысловых доминант текста культуры. Он эксперт в своей области.

Такой читатель востребован в сфере актуальных практик, восприятие и анализ которых требует не только литературного мастерства, но и погруженности в контекст творчества, квалифицированной оценки явления и его системного видения в свете поиска духовно-нравственных ориентиров, особенно для молодого поколения – поколения рубежа веков. Критик направляет потенциального читателя, заостряет его внимание на важных и значимых социально-культурных явлениях, которые важны для него самого.

Интерпретации текста культуры предполагает особого читателя, который является экспертом, профессионально подготовленным интерпретатором, обладающим трехмерным видением историко-культурной реальности, широким кругозором и способным активно резонировать настоящую реальность в ее взаимосвязях с прошлым. Это специалист, умеющий работать с объектом исследования на различных контекстуальных уровнях, выводить его за пределы обыденного познания и выявлять его ценностный потенциал в соответствии с его назначением и целями.

Такой критик «играет» на интеллектуально-практическом поле, где существуют правила анализа и интерпретации текстов культуры. Он предьявляет обществу собственную исследовательскую позицию относительно феноменов, процессов, разных форм и видов социально-культурных практик, через систему специальных научных процедур, выходя за рамки существующих стереотипов и обыденного опыта. Интерпретационная деятельность критика-читателя как учебного является традиционной и естественной формой бытования знания.

Имена отечественных современных мыслителей С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, В.С. Библиера, А.Я. Гуревича, Г.С. Кнабе, Д.С. Лихачева, А.Ф. Loseва, Ю.М. Лотмана и др. известны не только в узкоспециализированных кругах. Деятельность этих ученых является примером идеальных критиков-читателей текстов культуры. Их общепризнанные труды являются воплощением авторского видения культуры в ее непрерывной изменчивости, преломленного в теоретико-методологическом свете и выведенного за пределы историко-культурных координат актуальной для них современности.

Сегодня понятие «критик» имеет содержательную размытость, и аналогом этого слова выступают «интерпретатор», «реципиент», «арт-критик», «блогер». И это связано с особенностью типа мышления, характерного для постиндустриальной эпохи. Открытость и доступность информационного пространства предоставляет субъекту разнообразие способов самовыражения и самоактуализации в культуре. Творчество как смыслопорождающая деятельность приобретает формализованный процесс и сводится к утверждению ценностей, актуальных для субъективного видения, в угоду актуального, пренебрегая вневременным.

В условиях рубежа XX-XXI веков критик растворяется в журналистике, медиа, литературоведении. Он растворился среди многих пишущих. Оценка как основа его деятельности перестала быть выражением индивидуально-личностного восприятия мира. Она обрела массовый характер. Большие и многочисленные информационные потоки «загружают» современного человека настолько, что его восприятие реальности становится поверхностным и ситуативным. Знание о специфике ценностей и смыслов других времен человеку массовой культуры постиндустриальной эпохи кажется лишним и избыточным; оно не востребовано им в актуальной культуре начала XXI века в плане выстраивания/установления причинно-следственных связей.

Культурологическая интерпретация как способ восприятия, оценки и осмысления исторической действительности сегодня нужна тем, в чей круг интересов (личных и/или профессиональных) входит историческая составляющая. Текст культуры как емкое и сложное по содержанию явление, с одной стороны, неудобен из-за его масштаба и содержательной нагруженности. С другой – интересен с точки зрения его визуальной репрезентативности, так как воспринимающему предлагается готовый образ, уже созданный другим субъектом, который транслируется медиа и не требует долгой читательской работы по его анализу и интерпретации. К примеру, во многих научно-популярных фильмах зрителю предлагается реконструкция образов прошлого с материалами о политике, социальной сфере, досуговых практиках, повседневности и др. Восприятие фильма, как правило, основывается на доверии источнику медиа, верификация которого не всегда под силу массовому человеку. Критерии оценки современных культурных текстов на предмет достоверности и соответствия действительности связаны с глубиной восприятия информации и качеством ее интерпретации. Критическое осмысление как форма рефлексии современного человека на историю культуры является сугубо личностной характеристикой, а его развитие зависит как от знаний и опыта субъекта, так и от навыков «фильтрации» получаемой информации о внешнем мире.

Выбор трех типов (фланера, читателя-интерпретатора, критика) обусловлен спецификой их взаимодействий как с самой культурой, так и с культурными текстами. Результатом субъект-объектного и субъект-субъектного диалога становится созданный этими типами читателя образ эпохи, времени, пространства. На протяжении всей человеческой истории практика чтения была и остается неотъемлемым механизмом толкования вербальных текстов и социально-культурных явлений. Но как форма особого полно охватного и оценочного видения реально-

сти личностью воспринимающего сложилась в эпоху романного мышления (*фланер и критик XIX века*) и в эпоху медиа (*читатель-интерпретатор XX века*).

Интерпретация как универсальный механизм толкования текстов проявляется в восприятии, осмыслении и понимании ценностей культуры, запечатленных в конкретно-чувственных формах и образах субъектом, проживающего «внешний мир» и обретающего опыт взаимодействия с ним. Диалог как базовый принцип постижения культуры и ее составляющих рассматривается нами на примере анализа типов читателя, основные черты которых складывались в условиях «породившей» их эпохи и стали выражением особого взгляда к «своей» исторической реальности. В современных практиках культуры черты этих типов проявляются в оформленной позиции субъекта в отношении пространства культуры на уровне социальной, художественной, оценочной рецепции.

В третьем параграфе **«Факторы и механизмы интерпретации текста культуры»** рассматриваются особенности существования социально-культурных механизмов интерпретации и анализа визуальных и визуализированных текстов культуры, которые условно можно разделить на две группы. В первую входят механизмы, действующие стихийно и фрагментарно, но оказывающие при этом массовое влияние на аудиторию (телевидение, СМИ, Интернет). Их бытование обусловлено проявлением личностного, частного интереса и рефлексией. Бесконтрольность и доступность способов самовыражения личности открывает не только свободу интерпретаций текстов, но и отражает уровень вхождения личности в диалоговые отношения с историко-культурными контекстами (обывательский, любительский, профессиональный). Во вторую группу входят механизмы, оказывающие узконаправленное влияние (общественные организации, учреждения культуры, образование), в силу системности которого качество интерпретации и анализа текстов культуры поднимается до уровня профессионального. Изначально заложенные ценности и смыслы культуры не утрачивают своей значимости в процессе интерпретации текста культуры, а наоборот, обретают дополнительные смысловые оттенки. Ценностно-смысловая преемственность на уровне «автор – текст культуры – интерпретатор» – ключевое звено, позволяющее сохранить память и коды культуры.

Выделение объективных и субъективных факторов определяет ценностно-смысловую и содержательную трансформацию текста. Первые отражают закономерное изменение объема текста культуры, изменение его композиции под влиянием внешней среды и доминирующих историко-культурных ценностей. Во-первых, ценностно-смысловой потенциал, заложенный в тексте культуры, способен изменять границы смысловой и содержательной интерпретации и обеспечивать их проницаемость или, наоборот, замкнутость. Приращение дополнительных смыслов к тексту культуры или редукция зависят от его степени значимости в контексте. Условием сохранения начального текста является структурная незыблемость и единство в процессе толкования. Во-вторых, в эпоху глобализации технические и информационные средства обусловили самостоятельное существование культурных текстов, свободно перемещающихся по различным каналам трансляции. В этом случае текст способен сохранить свою целостность, так как «вторжение» субъективного начала или претензия на диа-

лог не всегда состоятельны: рефлексия массового потребителя не ориентирована на проявление творческого начала. К объективным факторам добавляются целевые установки. Они позволяют сдерживать текст в тех пределах интерпретации, в которых это необходимо его автору или интерпретатору, или производителю/потребителю.

Субъективные факторы трансформации текста культуры сводятся к проявлению личностного начала в процессе прочтения текста культуры. Изменение ценностно-смысловой структуры текста во многом зависит от установок интерпретатора и его способности входить в диалоговые отношения с текстом, автором, эпохой. Результатом взаимодействия может стать совершенно другой текст, сохраняющий внешнее сходство с начальным или содержащий его отдельные мотивы, образы и детали.

Перекодирование текста культуры характеризует субъективную потребность в воссоздании текста-первоисточника по законам другого искусства, актуального и востребованного в условиях историко-культурного контекста. Подобная трансформация обеспечивает информативную и смысловую доступность и прозрачность текста.

Проницательный читатель способен через эстетическое переживание возвращаться к объекту своего толкования, чтобы понять, почему он переживает именно эти эмоции, как автору удалось привести его именно к этим чувствам. Такая рефлексия актуализирует вопрос об особом качестве произведения – эстетическом. Свободную игру ассоциаций У. Эко рассматривает как часть смысловых пластов, «которые в произведении содержатся в слитном единстве, источнике всякого последующего динамического развития образов»⁵. Эстетическое восприятие читателя и «открытое» произведение выступают в цельности и единстве. Читательский опыт становится фактом прочтения «своего» текста, выстраивания «своих» отношений с ним и, в результате, фактом создания нового произведения. В основе этой деятельности лежит интерпретация.

Интерпретация как универсальный механизм «относительного» воспроизведения/актуализации культурных смыслов и идей времени имеет ряд особенностей, влияющих на бытие текста культуры в последующие эпохи: временная дистанция от первоисточника и значимость для современности (по горизонтали); перемещение из одной культуры в другую (идентификационный поиск смыслов и реалий); социальная адаптация (по вертикали): популяризация, массовость, упрощенность.

Культурологическая интерпретация текста культуры представляет собой своеобразный «мост» между прошлым и настоящим, которые сходятся в сознании субъекта. Интерпретатор только отчасти воспроизводит духовный опыт и содержание эпохи, которые, на самом деле, переживаются в ситуации «здесь и сейчас». Актуальными являются такие практики интерпретации, механизмы которых обеспечивают трансляцию смыслов: содержательная/смысловая редукция (книги, реклама, фильмы, образы), развертывание смыслов (фильмы, тексты, образы – смысловое достраивание, экспликация), монтаж; осовременивание; когнитивная гармония.

⁵ Эко У. Открытое произведение. СПб., 2004. с. 205.

Механизм редукции (сюжетной, смысловой, психологической) – это способ «открытия» с равной степенью вероятности различные потенциальные смыслы, заложенные в произведении. Автором вторичной интерпретации делается установка на восприятие лишь поверхностного смысла. Как правило, данный механизм актуализируется при создании ремейка.

Развертывание текста – текст-источник получает содержательно-семантическое прибавление. Действие этого механизма, согласно У. Эко, «заключается в раскрытии определенного смысла, потенциально заложенного в тексте-источнике, или сюжетной линии, не развернутой окончательно, а только намеченной автором текста-источника, или идеи, введенной интерпретатором как противоположность идеи автора текста-источника»⁶. Часто этот принцип используется в процессе экранизации литературно-художественного произведения, когда в фильме актерами проигрываются сцены, подробных описаний которых нет у автора.

Монтаж как прием организации текстового пространства, ставший актуальным и востребованным с появлением кино. Как способ визуализации текста культуры монтаж прослеживается и в наскальной живописи, и в росписях Помпей, и в житийных иконах (клейма), и в живописи Возрождения. С. Эйзенштейн увидел в этом приеме универсальность запечатления действительности и наиболее органичный прием организации пространственно-временных образов, отражающих эпоху и творческую манеру автора.

Механизм осовременивания, активно бытующий на разных историко-культурных этапах, «создает ощущение со-противопоставленности оригинала и вторичного текста, “игры с Текстом” и “игры в Текст”, демонстративное “обнажение приема”»⁷. Как механизм интерпретаторской деятельности осовременивание обнаруживает себя в коммуникативных отношениях между автором, его произведением и тем, кто читает текст как текст культуры.

Когнитивная гармония как механизм интерпретации текстов представлен в исследовании В.И. Тармаевой и имеет особую значимость не только для филологов, но и для других сфер гуманитаристики. Для автора когнитивная гармония есть «единство результатов интерпретации повествовательного текста как проявление единодушия читателей (интерпретаторов) по поводу установления связей и отношений между единицами и элементами текста»⁸. Как механизм интерпретации когнитивная гармония ориентирована на формирование целостного представления о мире, на постижение метакультурных связей в освоении социально-культурной действительности, а также на актуализацию личного и личностного опыта интерпретатора в сфере смыслов творчества. Этот механизм является наиболее сложным и является своеобразным итогом всех выше представленных механизмов.

⁶ Эко У. Инновация и повторение: Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 318.

⁷ Кузьмина Н.А. Механизмы интерпретации классического текста в «Чайке» Б. Акунина // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка ; МГУ, 20-23 марта 2007 г. С. 318-319. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/11.pdf> (дата обращения 01.02.2016) С. 319.

⁸ Тармаева В.И. Когнитивная гармония как механизм интерпретации текста : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. н.: специальность 10.02.19. – Кемерово. 2011. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/20840/Tarmaeva_V.I..pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 10.02.2017)

Прочтение субъектом текста культуры в его целостности, многогранности проявлений и глубине смыслов; понимание его неоднородности и альтернативных практик его интерпретации; выражение собственного восприятия и воссоздание образа, который сложился в процессе обретения знаний, впечатлений, постижения смыслов и ценностей, рождения авторских идей реализуют механизм когнитивной гармонии в действии.

Третья глава «Интерпретация текстов культуры: элемент профессиональной подготовки педагогов-культурологов» ориентирована на раскрытие специфики мировидения человека XXI века и обоснование ключевых этапов формирования визуальной медиаграмотности как составной части медиакультуры; выявление педагогического потенциала интерпретации текстов культуры и определение направления деятельности в подготовке педагогов-культурологов.

В первом параграфе **«Визуальная медиаграмотность как условие прочтения текста культуры современным человеком»** акцентировано внимание на том, каким предстает образ современного человека в эпоху постиндустриальной культуры и какое влияние на него оказывает обилие информации в XXI веке.

Медиа, в широком понимании, приобрели особую власть над субъектом XX-XXI вв. Клиповое мышление как качественная характеристика молодого поколения проявляется не только с негативной стороны, но и несет в себе позитивное начало: скорость получения и обработки информации позволяет иначе, чем раньше, транслировать смыслы и ценности культуры, а также определять отношение к реальности.

Основное противоречие, выделяемое в современных условиях, состоит в том, что скорость внутренней реакции субъекта на происходящее вокруг не совпадает с внешней. Повышенная восприимчивость ведет к реакции только на актуальную для человека информацию. Эмоциональное напряжение, в котором сегодня находится субъект восприятия реальности, достигается необходимостью активно реагировать на все происходящее. Духовная жизнь современного поколения тоже находится под воздействием информации, и личностные качества раскрываются через отношение человека к ней: что он говорит, слушает, смотрит, как он говорит, на какие источники информации ссылается. Информация определяет портрет субъекта современной культуры. Подобная включенность человека в медиапространство требует от него не только психофизических затрат, но и активной творческой, интеллектуальной деятельности в процессе освоения информационных потоков. Самостоятельный поиск информации, ее верификация и создание своего продукта (текста) – сложная задача, с которой сталкивается большинство представителей современной молодежи, в том числе и школьники, несмотря на то, что умение работать с информацией – ключевая компетенция в характеристике человека эпохи медиа. Поверхностность, узконаправленность и фрагментарность знаний, клиповое мышление, низкий уровень критического восприятия и оценки информации – те характеристики, которыми обычно сопровождается описание образа *поколения М*.

Активная рефлексивная позиция субъекта как результат критического мышления одновременно позволяет отвечать требованиям времени и сохранять

себя как личность. Она определяется рядом характеристик, предложенных Д. Клустером⁹: самостоятельностью, проявляющейся в формулировании собственных идей, аргументации убеждений и оценок субъектом; навыке обобщенного представления информации, позволяющем оценивать, сравнивать что-либо в определенном контексте и аргументированно излагать свои мысли; умением формулировать вопрос; аргументированностью позиции, выражаемой субъектом по отношению к чему-либо; социальной направленностью мышления.

Вопрос о формировании активной рефлексивной позиции субъекта в современном мире связан с особенностями мышления человека рубежа тысячелетий, а также с поисками таких технологий, которые были бы направлены на развитие аналитической деятельности субъекта. Как правило, эта задача решается в педагогике, которую мы рассматриваем как сферу прикладной культурологии (И. Я. Мурзина).

Умение субъекта интерпретировать текст культуры – это проявление его готовности осмысливать и критически оценивать информацию, которая может быть представлена любым текстом, систематизировать, обобщать и «открывать» ее другому субъекту в процессе коммуникации. В качестве значимых для рубежа XX-XXI веков практик, требующих адекватного прочтения, выделяются визуальные практики, природа которых апеллирует к способностям человека «считывать» информацию со зримого образа по принципам лингвистического текста. Визуальная культура как область гуманитарных исследований отражает опыт истории и социологии искусства, эстетики, психологии восприятия, культурная антропологии и медиакультуры. Главная задача – сформировать визуальную медиаграмотность как ключевую компетенцию в условиях современных медиа.

Визуальная грамотность – это не только способ осмысленного и креативного прочтения и интерпретации субъектом восприятия информации, представленной в условиях видеократии XXI века, но и особый уровень компетентного, профессионального подхода к явлениям социально-культурной действительности. На сегодняшний день, визуальное и визуальные образы могут быть представлены как автономная по отношению к языку область формирования смыслов, обладающая собственными коммуникативными и познавательными возможностями. Визуальные образы прочитываются по законам лингвистического текста, так как информация, заложенная в них, имеет смысловое содержание, оформленное и структурированное, хотя генеративная среда, характерная для визуального, производит и распространяет интересубъективное содержание иными, чем собственно вербальными способами.

Формирование визуальной грамотности – особая задача современной педагогики, которая заключается в необходимости развития навыков критического мышления, ориентированного на понимание и осмысление механизмов и содержания транслируемой информации в актуальных социально-культурных практиках, важных в процессе приобретения визуального опыта.

⁹ Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Д. Клустер. Критическое мышление и новые виды грамотности. – М., 2005. С. 5-13.

Визуальная медиаграмотность представляет собой частный вариант медиаграмотности. Развитие навыков грамотного прочтения визуальных образов с погружением в контекстную медиасреду – это необходимая задача медиаобразования, ориентированного на способы работы с текстовой реальностью, выработанные критерии ее восприятия и оценку, учитывающей запрос современной действительности.

Собственно процесс обучения субъекта сегодня происходит в двух вариантах: стихийно и направленно. Первый предполагает овладение навыками визуальной медиаграмотности человеком на уровне его личностного опыта проживания медиареальности, когда вырабатываются навыки критического осмысления информационных потоков и критического восприятия визуальных образов. Второй вариант имеет направленный характер и реализуется в системе образования, в которой акцент делается, в основном, на предметной области «Искусство» (в предметную область «Искусство» входят изобразительное искусство, музыка и мировая художественная культура). Стоит отметить, что формирование навыков восприятия визуального и визуализированного опыта творческой деятельности человека было и остается неотъемлемой задачей педагогики вообще. Сегодня образовательные задачи ориентированы на адаптацию и социализацию субъекта в быстро меняющемся мире, что означает готовность и способность человека не только отвечать требованиям к поведению и деятельности в условиях внешней среды, но и на творческом, интеллектуальном уровне совпадать с ритмами ее мобильности и динамики.

На современном этапе сложились новые подходы к обучению педагогов (компетентностный, личностно- и практико-ориентированный), которые реализуют задачу формирования визуальной медиаграмотности в настоящей социально-культурной действительности. В связи с этим определились и необходимые условия подготовки современного педагога-культуролога, который выступает в роли фланера, критика, интерпретатора текстов культуры и культурных текстов, а также систематизатора информации и учителя-фасилитатора.

Во втором параграфе **«Интерпретация текстов культуры как основа формирования медиакомпетентности педагога-культуролога»** раскрываются понятия «медиаактивность» и «медиаграмотность» как ключевые компетенции современного педагога – человека, «ведущего за руку» и открывающего мир культуры учащемуся.

Медиакультура является той сферой, где активность как психофизиологическая особенность человека, его социальная и деятельностная характеристика представлена максимально полно: производство, передача и восприятие информации напрямую зависят от участия субъекта. В этом смысле, активность состоит в способности субъекта порождать, воспринимать и интерпретировать тексты, транслируемые медиа.

Медиаактивный человек – рефлектирующий потребитель медиапродуктов, способный организовывать контент (тематические группы, медиасобытия, медиапроекты) и вступать в коммуникацию, используя современные гаджеты и технологии. Он умеет оперативно получать, систематизировать, воспринимать и оценивать информацию из разных медийных каналов.

Медиаграмотность современного человека является необходимым условием успешной и состоятельной самореализации в профессии, творчестве, жизни. Освоение медиапространства открывает перспективы новых методов работы с информацией и сохранения гуманистических основ в пределах социокультурной реальности.

В педагогических вузах подготовка культурологов обладает спецификой, обусловленной характером будущей профессиональной деятельности. Культуролог-педагог – это человек, ответственный за качество и содержание транслируемых знаний в условиях информационного пространства. Он выступает в роли фланера, критика, интерпретатора текстов культуры, а также координатором, систематизатором информации и учителем-фасилитатором, организующим процесс обучения детей в комфортной для них атмосфере.

В процессе подготовки будущих педагогов-культурологов формируются и развиваются компетенции, позволяющие успешно применять механизмы интерпретации текстов культуры и явлений историко-культурной действительности на практике. Нами были разработаны учебные курсы, в которых поэтапно студенты-будущие педагоги осваивали принципы и механизмы интерпретации текстов культуры в условиях постиндустриального общества. В основе обучения лежал принцип преемственности: на уровне содержания учебных дисциплин, в подходах и ориентации на практическое применение знаний и умений, формировании профессиональных компетенций. Значение предметной подготовки педагога-культуролога состоит в том, что он не только является специалистом в сфере культуры и обладает знанием о ней, но и владеет техниками ее «в́идения» и «чтения», а также умеет других учить ее интерпретации в различных контекстах.

Процесс освоения способами интерпретации текстов культуры предполагает педагогическую модель реализации, апробированную при подготовке студентов-культурологов в Уральском государственном педагогическом университете.

Вопросы интерпретации текстов культуры позволяют обратиться к такой проблеме, как поиск адекватных методических приемов, обеспечивающих реализацию культурологического подхода и формирующих потребность у студентов и педагогов в рефлексии над историческими явлениями и современными социокультурными практиками. Разработанная нами методика формирования компетенций в этой области может рассматриваться не только как одно из направлений культурологического образования, но и как обеспечение потребности в обновлении содержания педагогического образования на современном этапе. В силу того, что процесс интерпретации текстов культуры всегда носит незавершенный характер, обусловленный способностью культуры к саморазвитию и актуализацией ее ценностей и смыслов на каждом следующем витке истории, можно говорить об интерпретации текстов культуры как одном из аспектов «открытого образования».

Третий параграф **«Методика овладения медиакомпетенцией в процессе профессиональной подготовки педагога-культуролога»** посвящен решению задач, стоящих перед образованием, предлагающем современному субъекту принципы системное в́идение реальности и формы личностной репрезентации в ней.

Методика по формированию основ медиакомпетенций сосредоточена на развитии визуальной медиаграмотной личности и включает три этапа обраще-

ния к текстам. Каждый этап реализовывался как самостоятельный. Методика предполагает развитие визуальной медиаграмотности как ключевой компетенции. На первом этапе реализации методики происходила диагностика аудитории, целью которой является выяснение того, как именно воспринимается текст, визуальный текст и особенности его прочтения. На втором этапе через обращение к визуальным образам, обладающим медийной природой (предполагает рассмотрение рекламы, фотографий, экранизаций как визуальных текстов), развивались навыки восприятия и анализа медиатекста. Третий этап – контрольный, на котором происходит творческая интерпретация художественных образов. Предложенная методика ориентирована не только на знакомство с практиками, отражающих взаимосвязь с медиа, а также на проникновенное осмысление содержания произведений искусства и явлений культуры, обладающих большим педагогическим потенциалом. Актуализация интерпретационной деятельности как способа осмысления, понимания и передачи ценностно-смыслового ядра текста культуры обусловили необходимость разработки профильного и целенаправленного механизма ее трансляции – культурологического образования.

Значимость прочтения текстов культуры в их целостности, интерпретация ценностно-смыслового потенциала как способа раскрытия кода эпохи является содержанием профессиональной деятельности культуролога, предполагающей не только трансляцию и передачу опыта, основ культуры и знаний о ней, но и ведение практик критической направленности.

В **Заключении** диссертационного исследования делаются выводы и формулируются итоги и перспективы развития исследования.

Основные положения и результаты исследования отражены в 47 публикациях, общим объемом 32,15 п.л., в числе которых – 19 статей, опубликованных в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК, 15 из которых – по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Симбирцева Н. А. «Текст культуры»: обозначение дискурса / Н. А. Симбирцева // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). – Рига – Москва. – 2011. – № 3. – С. 66 – 74. (0,6 п.л.)
2. Симбирцева Н. А. Метаморфозы памяти: культурологическая интерпретация / Н. А. Симбирцева // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). – Рига – Москва. – 2011. – № 8. – С. 20 – 27. (0,6 п.л.)
3. Симбирцева Н. А. Универсалии культуры и трансляция социально-исторического опыта: поиск стратегии анализа / Н. А. Симбирцева // *Политическая лингвистика*. – № 2 (40). – 2012. – С. 260-264. (0,6 п.л.)
4. Симбирцева Н. А. Анализ и интерпретация текстов культуры: методический аспект / Н. А. Симбирцева // *Теория и практика общественного развития*. – 2012. – № 6. Электронный ресурс. URL: <http://teoria-practica.ru/-6-2012/culture/simbirtseva.pdf> (0,3 п.л.)
5. Симбирцева Н. А. Способы интерпретации текста культуры (на примере преподавания курса «Введение в культурологию») /

- Н. А. Симбирцева // Дискуссия: журнал научных публикаций. – 2012. – № 7. – С. 25-28. (0,3 п.л.)
6. Симбирцева Н. А. Фланер как интерпретатор текста культуры / Н. А. Симбирцева // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5; URL: www.science-education.ru/105-6959 (0,5 п.л.)
 7. Симбирцева Н. А. Экранизация как визуализированный текст: к постановке проблемы / Н. А. Симбирцева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – №3 (116). С. 148-154. (0,5 п.л.)
 8. Симбирцева Н. А. Анализ и интерпретация текстов культуры: педагогический аспект (на примере преподавания дисциплины «Введение в культурологию») / Н. А. Симбирцева // Вопросы культурологии. – М., 2013. – №6. – С.160-162. (0,5 п.л.)
 9. Симбирцева Н. А. Визуальный текст как явление современной культуры / Н. А. Симбирцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2013. – № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-185. (0,3 п.л.)
 10. Симбирцева Н. А. Специфика прочтения визуального текста / Н. А. Симбирцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2013. – № 10. Ч. 1. – С. 163-165. (0,4 п.л.)
 11. Симбирцева Н. А. Особенности прочтения текста культуры / Н. А. Симбирцева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – С. 1136-1140. (0,6 п.л.)
 12. Симбирцева Н. А. Визуальное в современной культуре: к вопросу о визуальной грамотности / Н. А. Симбирцева // Политическая лингвистика. – № 4 (46). – 2013. – С. 223-227. (0,4 п.л.)
 13. Симбирцева Н. А. Интерпретация визуального в условиях современной культуры / Н. А. Симбирцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство» – 2014. – 3 (88). – С. 33-36. (0,3 п.л.)
 14. Симбирцева Н. А. Код культуры как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 157-167. (0,8 п.л.)
 15. Симбирцева Н. А. Медиаактивность как личностное качество человека постиндустриальной культуры: на пути решения проблемы / Н. А. Симбирцева // Человек и культура. – 2016. – № 4. – С.1-8. (0,5 п.л.)

Статьи в иных научных изданиях:

16. Симбирцева Н. А. Формирование информационно-коммуникативной компетенции у студентов-культурологов / Н. А. Симбирцева // Компетентностный подход в образовании / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – С. 120-123. (0,2 п.л.)
17. Симбирцева Н. А. Творческая личность – художественный текст – повседневность: особенности взаимодействия / Н. А. Симбирцева // Культурное наследие и перспективы социокультурного развития России: Культура повседневности.

Культурологические чтения 2010: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 11 – 13 марта 2010 г.). / УГТУ-УПИ. – Екатеринбург, 2010. – С. 96-101. (0,4 п.л.)

18. Симбирцева Н. А. Экранизация как способ диалога в культуре / Н. А. Симбирцева // Актуальные проблемы культурологии : Сб. науч. статей / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – С. 124-132. (0,4 п.л.)
19. Симбирцева Н. А. От творческой личности к субъекту художественной практики / Н. А. Симбирцева // Практики повседневности: Материалы Всероссийского научно-методического семинара (Екатеринбург, 26 февраля 2011 г.) / Екатеринбург, 2011. – С. 179-183. (0,3 п.л.)
20. Симбирцева Н. А. Роль информационно-коммуникативной компетенции у студентов-культурологов в процессе формирования модели выпускника вуза / Н. А. Симбирцева // Современные подходы к управлению качеством воспитательной работы в образовательном учреждении: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 8-9 февраля 2011 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – С. 261-263. (0,2 п.л.)
21. Симбирцева Н. А. Анализ и интерпретация текстов культуры: к определению понятий / Н. А. Симбирцева // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Материалы VII международной научно-практической конференции 27 – 28 июня 2011 г. Том II: – М., 2011. С. 403-407. (0,3 п.л.)
22. Симбирцева Н. А. Визуализация как способ построения диалога в контексте музейного пространства / Н. А. Симбирцева // Международная научно-практическая конференция: Информационно-коммуникационные технологии в сфере культуры. Саратов. – 2011. – С. 83 – 85. (0,2 п.л.)
23. Симбирцева Н. А. Специфика визуального образа / Н. А. Симбирцева, Н. С. Кузеванова // Инновации в науке: сб. ст. по матер. IV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011. URL: <https://sibac.info/conf/innovation/iv/34474> (0,4 п.л./0,2 п.л.)
24. Симбирцева Н. А. Особенности социальных сетей в городском пространстве / Н. А. Симбирцева, Д. Ю.Порозова // Инновации в науке: сб. ст. по матер. IV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011. URL: <https://sibac.info/conf/innovation/iv/34479> (0,4 п.л./0,2 п.л.)
25. Симбирцева Н. А. Урало-Сибирская и Нижнетагильская роспись как репрезентант народной культуры в контексте современности / Н. А. Симбирцева, Ю. С. Нартдинова // Национальные культуры Урала. Традиционная культура в её архаических и современных формах: Материалы VII региональной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 28-29 сентября 2011 г. – Екатеринбург: Областной дом фольклора, 2011. – С. 157-167. (0,5 п.л./0,25 п.л.)
26. Симбирцева Н. А. Инновации в мире визуальных образов: педагогический аспект / Н. А. Симбирцева // Материалы научно-практической конференции «Молодёжь в инновационном обществе» – 2012, г. Екатеринбург, 03 мая 2012. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С. 229-231. (0,2 п.л.)
27. Симбирцева Н. А. Роль культурных универсалий в формировании толерантного сознания в молодежной среде / Н. А. Симбирцева // Всероссийская научно-практическая конференция «Технологии формирования толерантного сознания

- и профилактика проявлений экстремизма в молодёжной среде»: Материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием, г. Екатеринбург, 4–5 мая 2012 года – Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 123-125. (0,2 п.л.)
28. Симбирцева Н. А. Визуальное в современной культуре / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2012. – № 1. Электронный ресурс. URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/88/Ch_1_2012_5.pdf (0,3 п.л.)
29. Симбирцева Н. А. Анализ и интерпретация кинотекста (из опыта преподавания) / Н. А. Симбирцева // Язык и культура (Научный интернет- журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения Философского факультета Прешовского университета в Прешове). – 2012. – № 10/2012 URL: http://www.ff.unipo.sk/jak/rus/10_2012/simbirceva.pdf. (0,4 п.л.)
30. Симбирцева Н. А. Интерпретация текста городского пространства: к вопросу о субъекте / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2012. – № 3. URL: [http:// region-culture.ru/Simbirtseva.pdf](http://region-culture.ru/Simbirtseva.pdf) (0,4 п.л.)
31. Симбирцева Н. А. Модель визуализации текстов культуры: анализ и интерпретация / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2013. – №1 (5). URL: http://region-culture.ru/Simbirtseva_01.pdf (0,3 п.л.)
32. Симбирцева Н. А. Fashion-фотография как визуальная репрезентация / Н. А. Симбирцева // Социально-антропологические проблемы информационного общества. Выпуск 1. Концепт. – 2013. URL: http://e-koncept.ru/teleconf/1/sovremennoe_obshhestvo/fashion-fotografija.html (0,4 п.л.)
33. Симбирцева Н. А. Культурологическая интерпретация и культурологическая экспертиза: практика сосуществования / Н. А. Симбирцева // Социально-гуманитарная экспертиза: анализ культурных стратегий развития территории: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 24 апреля 2013 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 248-255. (0,35 п.л.)
34. Симбирцева Н. А. Архитектурные маркеры местности: бренд или визитная карточка / Н. А. Симбирцева, Н. С. Кузеванова // Лингвокультурология. – 2013. № 7. – С. 104-112. (0,4 п.л./0,2 п.л.)
35. Симбирцева Н. А. Интернет-коммуникации и их влияние на формирование личности поколения М / Н. А. Симбирцева // Культурология в контексте гуманитарного знания. В 3 ч.: Ч. 3 /под ред. Г.А. Салтык. Курск: Курск. гос. ун-т. – 2013. – С. 13-17. (0,3 п.л.)
36. Симбирцева Н. А. Культурологический потенциал категории «текст культуры» / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2013. – №3/4 (7). URL: http://region-culture.ru/Simbirtseva_02.pdf (0,5 п.л.)
37. Симбирцева Н. А. Практики и субъекты современной культуры / Н. А. Симбирцева // Лингвокультурология. – 2013. – № 7. – С. 148-154. (0,35 п.л.)

38. Симбирцева Н.А. Реклама как визуальный текст / Н. А. Симбирцева // Теория и практика актуальных исследований: Материалы VII Международной научно-практической конференции. 19 августа 2014г. : Сборник научных трудов. – Краснодар, 2014. – 246 с. – С. 31-35. (0,3 п.л.)
39. Симбирцева Н. А. Чтение и видение как практики современной культуры / Н. А. Симбирцева // Современные концепции научных исследований: Сборник научных работ V Междунар. научно-практ.конф. – М., 2014. С. 143-145. (0,3 п.л.)
40. Симбирцева Н. А. Язык и текст культуры: грани взаимодействия / Н. А. Симбирцева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 3. – С. 131-136. (0,7 п.л.)
41. Симбирцева Н. А. Текст культуры: культурологическая интерпретация: сборник статей / Н. А. Симбирцева. – М.; Берлин : Директ-Медиа. – 2015. – 236 с. (14,5 п.л.)
42. Симбирцева Н. А. Какая она – современная педагогика? (О Манифесте «Гуманистическая педагогика: XXI век») / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2015. – №3(15). URL: http://region-culture.ru/Simbirtseva_03.pdf (0,4 п.л.)
43. Симбирцева Н. А. Текст культуры и практика его прочтения в истории культуры / Н. А. Симбирцева // Филология и человек. – №3/15. – 2015. – С. 7-16. (0,7 п.л.)
44. Симбирцева Н. А. К вопросу о восприятии кино XX века современным зрителем / Н. А. Симбирцева, В. М. Новикова // Исследование различных направлений современной науки. VIII Международная научно-практическая конференция. – М.: Издательство «Олимп», 2016. – С. 995-1000. (0,3 п.л./ 0,2 п.л.)
45. Симбирцева Н. А. Опыт изучения курса «Медиакультура» / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2016. – №2(18). URL: http://region-culture.ru/Simbirtseva_04.pdf (0,6 п.л.)
46. Симбирцева Н. А. Понимание и осмысление культуры как способ репрезентации ученого (Рецензия на книгу А.С. Запесоцкого «Культура: взгляд из России») / Н. А. Симбирцева // Педагогическое образование в России. – 2016. – №2. – С. 206-209. (0,4 п.л.)
47. Симбирцева Н.А. На пути к медиаграмотной личности: от теории к практике / Н. А. Симбирцева, Г. С. Колычев // Педагогическое образование в России. – 2016. – №6. – С. 110-116. (0,6 п.л./0,3 п.л.)

Подписано в печать _____ . Формат 60x84 ¹/₁₆
 Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
 Усл. печ. л. - 2,5. Уч.-изд. л. - 2,8. Тираж 100 экз. заказ № _____
 Отдел множительной техники
 Уральского государственного педагогического университета
 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
 E-mail: uspu@uspu.ru